

**Памяти
Валерия Леонидовича
Барсукова**
(к 70-летию со дня рождения)

Институт геохимии и аналитической химии
им. В.И.Вернадского

Памяти
Валерия Леонидовича
Барсукова
(к 70-летию со дня рождения)

Валерий Леонидович Барсуков
(1928 – 1992)

Предисловие

к сборнику воспоминаний об академике В.Л.Барсукове

14 марта 1998 года Валерию Леонидовичу Барсукову исполнилось бы 70 лет. Он рано ушел из жизни. Его ровесники и многие из тех, кто был в жизни старше его, продолжают жить и работать. Еще не пришло время, когда в памяти стираются детали, подробности взаимоотношений, когда сделанное человеком получает объективную оценку и личность его предстает в ее истинном значении.

Этот небольшой сборник воспоминаний не был задуман изначально. Он возник как бы сам собой, когда многие его товарищи и близкие захотели высказаться в связи с памятной датой. В этих заметках много личного. Они искренни. В совокупности они рисуют живой образ. Валерий Леонидович был ярким человеком. Он обладал обаянием и магнетизмом сильной личности. В течение почти 17 лет В.Л.Барсуков был директором ГЕОХИ. Это - целая эпоха. Поколение сотрудников прошло за это время путь от начинающих до зрелых исследователей. Под руководством В.Л.Барсукова Институт не сдал позиций, завоеванных при его основателе - академике А.П.Виноградове. Сохранил роль лидера в космических исследованиях. Возникло новое направление морских экспедиционных работ с использованием собственного судна. Большое внимание уделялось прикладным задачам, в том числе оборонного значения, что способствовало оснащению института современным оборудованием и приборами. Институт принял участие в решении проблем, связанных с Чернобыльской аварией. Об этих делах и связанных с ними жизненных эпизодах вспоминают соратники академика В.Л.Барсукова.

В воспоминаниях знавших его, Валерий Леонидович Барсуков предстает крупным ученым, одаренной личностью, большим патриотом Института, человеком, с которым связана значительная часть истории Института, да и жизни каждого из нас.

Э.М.Галимов

К 70 - ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.Л. БАРСУКОВА

С именем академика Валерия Леонидовича Барсукова связан большой и важный период в истории нашего Института, директором которого он был около семнадцати лет. Далекий теперь от нашего времени 1975 год, ушел из жизни организатор и первый директор ГЕОХИ АН СССР, академик А.П. Виноградов. Институт в эти годы находился в расцвете своего развития, заслуженно принадлежал к числу ведущих в Академии, имел мировую известность, отличался широтой и оригинальностью проводимых исследований, которые простирались от глубин Земли и Мирового океана до Космического пространства и Планет, от создания самых современных методов анализа и приборов до изучения явления радиоактивности и ядерных реакций. И в тоже время, почти за 30 лет активного развития, в Институте появились проблемы, которые ждали решения: некоторые научные направления потеряли былую актуальность, а возникшие новые - требовали кадровой и финансовой поддержки; были нужны новые приборы и установки, некоторые структурные преобразования; выросли молодые талантливые исследователи, а конкурс на должность старшего научного сотрудника доходил до 30 человек на место.

И вот директором ГЕОХИ стал В.Л. Барсуков. Ему, конечно, было трудно и в тоже время легко. Трудно - потому что всем казалось, что никто заменить А.П. Виноградова не сможет. Легко - потому что Валерий Леонидович знал все эти проблемы, так как никогда не терял связи с родным ГЕОХИ: работая в аппарате ЦК партии, он продолжал активно заниматься наукой и вскоре с блеском защитил докторскую диссертацию, А.П. очень высоко оценивал его научный потенциал, часто советовался с ним по многим вопросам и считал его своим приемником.

И сегодня, оглядываясь назад, можно с уверенностью констатировать, что ГЕОХИ под руководством В.Л. Барсукова достиг крупных научных успехов, завоевал новые позиции в геохимии, космохимии, сравнительной планетологии и аналитической химии.

Для укрепления геохимических исследований в Институте им был создан ЦАЛ (ныне ЦЛАВ), который был оснащен самым современным, к тому времени, оборудованием. В.Л. возглавил Программу космических исследований Института, придав ей международный характер. При нем начал действовать Советско - Американский симпозиум. Благодаря его усилиям Институт приобрел научно-исследовательское судно "Академик Борис Петров", которое сыграло и продолжает играть огромную роль в исследовании Мирового океана. Он хорошо понимал цели и задачи современной анали-

тической химии и активно поддерживал ее. При его поддержке в Институте с начала 80-х годов стало активно развиваться новое направление аналитической химии и приборостроения, связанное с созданием химических сенсоров и сенсорных анализаторов. Усилия ряда лабораторий аналитического отдела были сконцентрированы на этом направлении и успехи не заставили себя ждать. Сегодня - ГЕОХИ признанный лидер и в этой области. В.Л. всячески поощрял и способствовал активному включению аналитиков в решение вопросов экологии, и в особенности радиэкологии, которые приобретали все большую актуальность. Опираясь на накопленные в аналитическом отделе основы фундаментальных знаний в изучении механизма реакций, комплексобразования металлов, процессов выделения, концентрирования и разделения соединений различной природы, в короткие сроки были разработаны принципиально новые методы и соответствующие приборы для определения следовых количеств веществ неорганической и органической природы. Для разработки научной концепции поведения особоопасных веществ, в том числе специального назначения, в объектах окружающей среды и для разработки методов их обнаружения в составе аналитического отдела по инициативе В.Л. Барсукова была создана новая лаборатория "Физико-химического анализа" - единственная в составе АН СССР. Для ее организации были выделены специальные кадры, финансирование и приборы.

Результатом многих работ аналитиков явилось создание новых химических технологий: процессы комплексной переработки морской воды и подземных рассолов с целью извлечения полезных компонентов; использование новых эффективных сорбентов для очистки сточных вод и извлечения благородных металлов из руд и вторичного сырья. К этим работам В.Л. Барсуков проявлял постоянный интерес и оказывал необходимую помощь.

Научные интересы В.Л. всегда были тесно связаны с решением крупных практических задач. К этому же он призывал и сотрудников возглавляемого им Института. Особенно крупные достижения Института в этом отношении связаны с исследованиями радиоактивности Мирового океана (природной и техногенной) и созданием соответствующих средств для ее измерения. За этот комплекс работ многие сотрудники, в том числе и В.Л. Барсуков, получили высокие Государственные награды, а Институт был награжден орденом Октябрьской Революции.

Мне довелось с течение около 15 лет работать рядом с В.Л. в качестве его заместителя по аналитическому отделу. Крупный, талантливый ученый широкого кругозора, прекрасный организатор науки, сильный и волевой человек. Он отличался смелостью в постановке принципиально новых исследований, организованностью, целеустремленностью и личной ответственностью во всем. Он был жестким и одновременно демократичным ди-

ректором. Перед принятием решений по крупным принципиальным вопросам В.Л. обязательно проводил их широкое обсуждение на Ученом совете, на регулярных заседаниях дирекции. Он всегда прислушивался к аргументам, но был тверд и непреклонен в выполнении принятых решений. Нельзя сказать, что с ним было всегда легко работать. Но общение с ним доставляло удовлетворение, у него многому можно было поучиться и многое позаимствовать.

Вклад академика В.Л. Барсукова в успешное развитие нашего Института, в приумножение его научных успехов, его авторитета как внутри страны, так и за ее рубежами огромен и неоценим.

НАЧАЛО БИОГРАФИИ. О СЕМЬЕ, В КОТОРОЙ РОС ВАЛЕРИЙ

Родители Валерия происходили из разных мест России. Отец - Барсуков Леонид Николаевич - родом из владимирской деревни, но юность свою провел в городе Коврове, где его отец (и наш дед) содержал большую семью (в ней было 9 детей!) на мизерную зарплату сторожа железнодорожной больницы. Там отец окончил Ковровское реальное училище, там с 16 лет активно участвовал в революционном движении молодежи - об этом есть интересные воспоминания ряда ковровцев. Оттуда в 18 лет он ушел добровольцем на Восточный фронт Гражданской войны, а после нее по партийной мобилизации (страна ведь только что пережила страшный голод и озаботилась подготовкой специалистов-агров) отправился "грызть гранит науки" в Тимирязевку (ТСХА). Мать - Жуковская Прасковья Николаевна - (она не меняла в браке свою девичью фамилию) была одной из 10 дочерей (а с братьями в семье было 12 детей!) счетовода - бухгалтера лесопильного (фанерного) завода в городе Спас-Деменске, расположенном близ сочленения трех областей - Смоленской, Калужской и Московской и потому причислявшегося при многочисленных перекройках административного деления то к одной, то к другой, то к третьей. Она после школы Спас-Деменска окончила рабфак и тоже поступила в ТСХА. Там, в Тимирязевке, наши родители и встретились.

После учебы в Академии отец был направлен на работу директором Успенского с/х техникума, что близ станции Шушково на Ярославской железной дороге, за Александровом. Мама стала преподавать там же агрохимию.

В моей памяти первое осознание того, что у меня есть меньшой брат, связано именно с Успенским. Почему-то "засело" в мозгах пустяковое событие - когда Валерию исполнился год, нам обоим привезли из Москвы по одинаковой игрушке, по деревянному колесному пароходу - буксирчику. Мой назывался "Ян Рудзутак", Валин - "Алексей Рыков". Может быть это осталось в памяти потому, что родителям пришлось не раз объяснять нам, кто это такие - Рыков и Рудзутак; полагаю, что годовалому брату особенно трудно было это усвоить и ему были нужны и "дополнительные пояснения" на моем уровне, зацепившиеся в памяти.

В начале 30-х годов отца пригласили на работу в Агропочвенный институт и наша семья переехала в Москву. Жили мы в разных местах. Помню длинный белый барак на задворках "Химички" (здания кафедры химии ТСХА), где на нашу долю приходилась одна маленькая комнатка. Нам-то

хватало ее, но время было компанейское - все время в Москве оказывались то ковровские друзья отца, то его однополчане по V Армии, то родственники (отмечавшиеся периодически на Московской бирже труда) и поэтому главное впечатление от нашей барачной жизни - комната, "под завязку" заполненная людьми, и наши с братом игры где-то "на первом ярусе", под ногами взрослых. И вот, что интересно, ни разу не видели мы застоля в том виде, в каком оно осуществляется ныне, - не было никаких горячительных напитков. Чай - это да, в больших количествах. И для того, чтобы пить, не требовалось людям "допинга". А пели родители хорошо, да и почти все гости тоже. К нам по вечерам из соседних комнат собирались попеть молодые и старые тимиразевцы. Отец виртуозно владел гитарой и не только аккомпанировал пению, но знал немало сольных гитарных вещей. Нам с Валерием он, вместо колыбельных мотивов, часто наигрывал перед сном любимые "Колокольчики", требовавшие особых приемов извлечения звука.

Отец руководил Сектором Агропочвенного института, отвечавшим за Государственную программу "25 миллионов га" (исследование типовых почв и выдача рекомендаций по агротехнике и агрохимии для конкретных регионов) и много ездил по областям - для нас с братом эти его командировки послужили способом познания своей страны - мы тщательно отмечали на карте пункты, куда он отправлялся в очередной раз и потом слушали рассказы отца тоже с картой в руках.

Потом какое-то время нашим жильем стала двухкомнатная квартира в районе нынешней Авиамогторной улицы у шоссе Энтузиастов. А 15 мая 1935 года (число осталось в памяти потому, что в этот день в Москве открывалась первая линия метро, "от Сокольников до Парка", как пел когда-то Утесов) мы переехали снова в окрестности Тимирязевки, в двухэтажный бревенчатый дом на так называемых Лихоборских буграх.

Это был дом научных сотрудников ВУУАА (Всесоюзного института удобрений, агропочвоведения и агротехники ВАСХНИЛа), в котором отец организовал Лабораторию обработки почв, а мама работала в Лаборатории сельскохозяйственной микробиологии. Дом жил одной большой семьей - все взрослые были очень дружны, их дети - тоже. Опять же в обиходе были и спевки, и волейбол по вечерам, и общий огород под окнами. Институт был рядом с домом - только поле перейти, да речку Жабинку - и потому мы с братом, что называется "днемали и ночевали" там в свободное от уроков время (Валерий тоже пошел в школу к этому времени), там же черпали новые игрушки - пробирки и бюксы, чашки Петри и катушки от пишмашинки; мы знали там всех и нас тоже знали все и снабжали "разными разностями" - предметами зависти школьных друзей. Рядом с домом был огромный карьер, из которого черпали глину и песок при строительстве общежитий на Лиственничной аллее, НАТИ и домов Станционного

шоссе (сейчас оно называется проездом Черепановых). Это было главное место наших игр (и драк между ребятами разных домов тоже, из-за разногласий "по территориальному вопросу"), место многолетних раскопок и сбора бесчисленного количества белемнитов, обломков кораллов и раковин да и просто кремней, притащенных сюда когда-то ледниками (Лихоборские бугры явно были мореной). Геологический музей факультета почвоведения ТСХА охотно принимал наши коллекции окаменелостей, нас хорошо знали там и позволяли целыми часами разглядывать витрины с минералами (нередко просто запирали нас в музее на время лекций).

Большое влияние на нас с братом оказали рассказы нашей соседки по дому - сотрудницы БИОГЕЛ'а Софьи Васильевны Одинцовой - об экспедициях в Среднюю Азию. Она, надо сказать, была превосходным рассказчиком и могла иллюстрировать свои рассказы множеством снятых ею же фотографий старых городов (Ташкента, Ферганы, Оша), горных троп, караванов и палаточных лагерей. Потом мы сами могли убедиться, насколько точны были ее наблюдения и рассказы. Так что имя Владимира Ивановича Вернадского, шефа БИОГЕЛ'а, стало хорошо знакомым нам еще в мальчишеские годы.

В Москве жило несколько семей из ковровского "клана" Барсуковых. Летом, на время каникул, родители сговаривались выбраться всем вместе в какую-нибудь владимирскую деревню и так распределить свои отпуска, чтобы продержаться нас, ребят, там все лето, передавая из рук в руки. Особенно интересны и, можно сказать, важны для нас были заезды в Ковров, знакомство с тенистой улицей Барсукова (старший брат отца, математик, был первым председателем Совета в городе), гостевание у Василия Алексеевича Дегтярева, с "кланом" (тоже большой семьей) которого Барсуковы были дружны с 1917 года и породнились в 30-х годах. Собственно говоря, мы - ребята - знали тогда и других великих оружейников Коврова - для нас они были "дядя Жора Шпагин", "дядя Петя Горюнов", "дядя Сережа Симон". Нас не раз водили по пулеметному ИНЗу - "инструментальному" заводу им. Киркижа (так тогда назывался нынешний "Зид" - Завод имени Дегтярева), брали с собой на испытательные полигоны в окрестностях Коврова, позволяли "жать гашетку" - стрелять из закрепленных на стендах "Дегтярей" (вне стенда нам в те годы было бы не удержать пулемет). Легко представить себе, что это все значило для мальчишек. Не исключено, что явное уважение к военной технике и оружию было заложено у Валерия еще теми ковровскими впечатлениями.

В последние предвоенные годы Валерий увлекся конструированием, вернее расчетами конструкций самолетов. Наш старший товарищ дал ему книгу американского автора Ассена Джорданова "Ваши крылья", в которой популярно объяснялись принципы таких расчетов прочности, скоростных и

высотных возможностей, грузоподъемности самолетов. Комбинируя эти свойства, можно было сконструировать машины с заданными свойствами. По-моему большая часть тетрадей и альбомов уходила у Валерия не на школьные нужды, а на такое "создание" и вычерчивание очередных истребителей или бомбардировщиков.

В 1941 году Валерий окончил в 602 школе шестой класс. 15 июня ребята нашего двора отметили конец экзаменов однодневным геологическим походом по реке Волгуше около Яхромы. Через неделю выступление В.М.Молотова застало нас, трех братьев (третьим был наш кузен, к которому мы и ехали из Тимирязевки в Дангауэровку), в трамвае, подъезжавшем тогда к Театральной площади. Все высыпали из вагонов и там, в центре Москвы, нам довелось услышать: "Враг будет разбит! Победа будет за нами!". Когда 22 июля, через месяц после начала войны, начались воздушные налеты на Москву, 13-летний Валерий, как и другие подростки, нес ночные дежурства на чердаке и крыше нашего дома.

Где-то в августе Москву уже начали "разгружать" и институту (ВИУ-АА), где работали родители, предписано было эвакуироваться сначала на Кузнецкую с/х опытную станцию ВИУАА в Пензенской области, а затем, зимой 1941-42 года, после путешествия в теплушках до Омска и назад, на Шадринскую с/х опытную станцию в тогдашней Челябинской (ныне - в Курганской) области. Это довольно уединенный поселочек из трех двухэтажных и четырех-пяти длинных (барачного типа, но с квартирами) одноэтажных жилых домов, лаборатории с вегетационным домиком, клубом, складами и хозяйственными постройками, окруженный опытными полями и прочими угодами (сенокосами, огородами), а за полями - огромные бесконечные леса до Исети и далее в Заисетье.

Школы поблизости не было. На время учебного года мелкую детвору отвозили куда-то в интернат. Старшие работали до-упаду на полях и в хозяйстве. Валерия притягивала к себе техника, еще остававшаяся на станции (не мобилизованная на армейские нужды), и скоро он стал постоянным прицепщиком тракторной бригады - рабочим, едущим рядом с трактором и управляющим работой прицепных орудий - плугов, культиваторов, сеялок и т.д. Работа тяжелая - рычаги на прицепах тугие, мальчишеских сил едва хватало на весь рабочий день, приходил домой и буквально валился с ног. А вечером, при коптилке (электричества на станции не было), едва передохнув, еще пытался заниматься по учебникам 7-го и 8-го класса - это было строго обязательно. Конечно, никто не заставлял это делать, но раз уж мы решили "не отставать" - держали слово друг перед другом. Не было книг, нужных для программы по литературе, и 75-летняя интеллигентная старушка Ольга Владимировна - супруга профессора Чирикова, тоже сотрудника ВИУАА - по вечерам в полутьме пересказывала нам подробно, с

продолжениями (как "мыльные оперы" ныне), содержание великих романов и поэм, рассказывала о писателях и поэтах...

Отец редко бывал дома - в качестве Уполномоченного ГКО мотался по Уралу и Зауралью, помогая организовать то сев, то уборку теми скудными силами, что оставались в деревнях. Мама работала на опытной станции в основном не как научный сотрудник, а как разнорабочая, поскольку всякие сельхозкампании, на которые мобилизовывались все, следовали одна за другой практически без перерыва (вспашка, сев, культивация, огородные посадки, прополка, сенокос, уборка и так далее... Так прошло два года.

Летом 1943 г. нам было позволено вернуться в Москву. Чтобы наверстать пропущенные два года учебы (занятия дома у него не были завершены сдачей экзаменов экстерном, как это удалось сделать мне за 9-10 классы), Валерий решил не поступать в обычную школу, а записался на Подготовительные курсы МАИ, где за год проходили по два класса. Я помню, какого напряжения сил это ему стоило. Хотя, впрочем, времени все-таки хватало на возобновление расчетов самолетных конструкций, снова ставших его хобби. Но, во всяком случае, весной победного 1945 года он успешно сдал экзамены на аттестат зрелости "ноздря в ноздю" со своими одноклассниками, не прерывавшими учебу в школе. Встал вопрос - куда идти дальше? В авиацию ли (выпускников курсов принимали без вступительных экзаменов)? Или в геологию, в МГРИ, где мои друзья уже стали и его друзьями, где манила романтика экспедиций? Геология пересилила.

В МГРИ Валерий быстро освоился и увлекся изучением вещества. Где-то на II-III курсах он засел за расчеты энергетических эффектов от вхождения микроэлементов в кристаллическую решетку минералов, за расчеты возможностей изоморфизма вообще (позже "освобождение" изоморфного олова из биотита гранитов стало одной из идей его диссертации). Он подготовил оригинальный доклад о причине дымчатой окраски кварца - эта студенческая работа стала его первой научной публикацией (1948 г.).

Валерий был одним из организаторов Студенческого научного общества МГРИ и, вместе с другими организаторами, чуть было не поплатился за это - тогда подозрительно относились ко всяким там "обществам", "союзам" и прочим добровольным объединениям. Сколько рядом, в МГУ, было создано "политических" дел против участников таких кружков. На наше общество "очень бдительные" деятели МГРИ тоже, естественно, задумали завести "дело", грозившее нам громами и молниями. Спас общество и его организаторов наш же товарищ Глеб Александрович Каледа - участник войны-краснознаменец (впоследствии доктор геол.-мин. наук, а еще позже - отец Глеб, настоятель храма в Высокопетровском монастыре).

Его, ветерана прошедшей войны, "неудобно" было репрессировать и потому попытались уговорить отойти от дел общества и от общения с

"крамольниками", намекая на грозящие им кары. Глеб с гневом отверг эти уговоры и не только рассказал о них всем нам, но и придумал, как упредить задуманный удар.

По его совету и с ним вместе мы, все беспартийные, попросили срочно принять нас влиятельного в Москве первого секретаря Краснопресненского райкома партии и целых полтора часа рассказывали ему о задачах общества, о том, как важно для страны иметь молодую смену научных работников-геологов, когда во весь рост встает проблема поисков и разведки совсем нового сырья. Секретарь оказался отличным думающим мужиком - он при нас же связался с МГРИ и сказал, что всецело поддерживает Научное общество студентов и, что если есть, так сказать, опасения со стороны "органов", то лучше дать Обществу комсомольскую "крышу" - назначить нам какого-нибудь "идейного" председателя из членов комитета ВЛКСМ или парткома. Так и было сделано. Все остались целы.

Большую роль в подготовке Валерия к самостоятельной работе сыграли две его забайкальские производственные практики в отряде С.Д.Попова (ИГЕМ), работа руками с пробами под руководством сотрудниц отряда Н.Н.Батыревой и ее помощницы Н.А.Сиротининой (супруги Б.Н.Рыженко) - выдающихся виртуозов разделения пород на мономинеральные фракции. Полученные навыки такого разделения вскоре очень понадобились ему при выполнении аспирантской темы. Его дипломная практика прошла в 1950 г. на Алайском хребте в поисковой партии Алайской (N 39) экспедиции НИ-Са МГРИ и Киргизского геологического управления, командовать которой было поручено мне. Это оказался единственный случай, когда мы были вместе в поле.

В 1951 году Валерий окончил МГРИ и был отобран в аспирантуру ГЕОХИ в числе 10 выпускников института. Предварительные собеседования, кроме майора Дунаева из КГБ (Александр Павлович Виноградов добился разрешения набрать аспирантов-геологов путем зачисления нас во Второе Главное управление при СМ СССР, объединявшее все работы по атомной проблематике и жестко курировавшее Госбезопасностью, и откомандирования оттуда в распоряжение ГЕОХИ; поэтому отбор кадров "по своей линии" и вели майор Дунаев и полковник Пошехонов), провел с ним и с другими кандидатами в аспиранты молодой тогда кандидат наук Лев Владимирович Таусон. Он и позже оставался нашим аспирантским "дядькой".

Остальное - известно многим в ГЕОХИ.

ЧЕЛОВЕК С ГОСУДАРСТВЕННЫМ МЫШЛЕНИЕМ

Я помню Валерия Леонидовича Барсукова с 1958 года, с начала моей работы в ГЕОХИ. Тогда в 19-й комнате цокольного этажа располагались две "проточные установки" лаборатории Н.И.Хитарова и слегка наискосок экспериментальная комната В.Л.Барсукова.

При знакомстве с геохимической литературой я был приятно удивлен химически грамотной статьей-докладом В.Л.Барсукова на Геологическом конгрессе в Мексике (1956 г.) о роли комплексобразования в переносе рудных элементов. Эффективным с точки зрения организации исследований было совмещение в его группе полевого (геохимического) изучения месторождений и физико-химического лабораторного эксперимента.

Все же наиболее близко я с ним познакомился, работая в дирекции, сначала ученым секретарем, затем его заместителем по геохимическому отделу.

В.Л.Барсуков был человеком с государственным мышлением. Все за что он брался, было крупно, весомо. Свой долг директора он воспринимал, как необходимость направлять усилия сотрудников ГЕОХИ на решение важных для общества задач.

В.Л.Барсуков был настоящим директором всего ГЕОХИ. Он прекрасно знал профессиональные и личностные качества всех сотрудников. Возглавив институт после смерти А.П.Виноградова, он сохранил все направления исследований, сложившиеся в ГЕОХИ, развил космическое и военное направление.

Важной для директора была его способность при принятии решений по служебным вопросам выбирать наиболее профессионально пригодных, а не дружески настроенных сотрудников.

Валерий Леонидович был увлекающимся и открытым к новому руководителем. Нередко окружавшие его пользовались этим и втягивали его во внешне перспективные, но мало обоснованные проекты как научного, так и административного характера. Однако, убедившись в ошибочности решения, он без колебаний отказывался от такого проекта.

В.Л.Барсукова можно отнести к политикам борцовского и бескомпромиссного стиля, что создало ему много сторонников и не меньше противников.

Будучи руководителем авторитарного толка, он не любил открытых публичных возражений по административным вопросам. Но, поразмыслив, нередко соглашался с доводами оппонентов и изменял решение. При всей внешней суровости к оппонентам, Валерий Леонидович не был мстительным или, тем более, злопамятным человеком.

В личной жизни человек доброжелательный и участливый, он всегда старался выполнить свои обещания, без колебания отдавал своим друзьям все, что имел. Гостеприимство и хлебосольность барсуковского дома были хорошо известны всем, кто его знал.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

В далеком теперь уже пятьдесят шестом году нас, нескольких 18-летних девчонок, окончивших Московский химико-технологический политехникум им.Ленина, направили на работу в ГЕОХИ. Институт и его сотрудники тогда были еще очень молоды, ко всему происходящему проявлялся искренний интерес, и поэтому на новое пополнение в нашем лице высыпали поглазеть молодые геохимики. Мне очень хорошо запомнился один из них, стоявший немного сутулившись по причине высокого роста и худобы, с черными рассыпавшимися кудрями и смотревший на нас немного насмешливо черными прищуренными глазами. Это и был Валерий Леонидович Барсуков, в группе которого я начала свою трудовую деятельность.

И до сегодняшнего дня я благодарна судьбе, что она распорядилась именно таким образом. Работать было очень интересно, никто не считался со временем, все активно обсуждалось, я с удовольствием во всем этом варилась и так увлеклась, что вместо того, чтобы поступать учиться дальше, отправилась в экспедицию в Забайкалье.

В то время Валерий Леонидович занимался разработкой рекомендаций по поиску месторождений бора, а также синтезом аналогов борсодержащих минералов с целью выяснения условий формирования борной минерализации. Он всегда очень увлеченно излагал свои идеи, убеждая своих слушателей. В то время технические условия для проведения экспериментальных работ оставляли желать лучшего, не было, в частности, блокировки автоматического контроля температуры и давления. И мы все по очереди, в том числе и Валерий Леонидович, дежурили ночами около автоклавных установок. Тем не менее, были успешно синтезированы такие минералы как людвигит, котоит, ашарит и др. Сопоставление условий их образования и природных геохимических данных привело к открытию месторождений бора в Якутии, Горной Шории, Средней Азии, а затем в Корее, Румынии.

Замечательным качеством Валерия Леонидовича, как руководителя, было то, что он предоставлял своим сотрудникам большую самостоятельность в работе, возможность применить собственные решения, помогая в какие-то ответственные моменты. И это было одной из основных причин, что многие, работавшие в его группе, успешно защитили диссертации - Александров С.М., Курильчикова Г.Е., Клинцева А.П., Дурасова Н.А., Сушевская Т.М., Козеренко С.В., автор этих строк.

Круг интересов Валерия Леонидовича расширялся, вслед за исследованиями по геохимии бора стали проводиться работы по экспериментальной геохимии олова и золота. Но суши стало не хватать, появился океан (корабль), а потом и космос. В 15-м рейсе научно-исследовательского судна "Академик Курчатов" мне довелось принимать участие вместе с Валерием Леонидовичем. Все та же увлеченность отличала его и здесь, он неоднократно делился научными замыслами с коллективом судна.

Увлечение космосом привело к тому, что мы лишились приятной возможности поздравлять Валерия Леонидовича с днем рождения, поскольку именно в эти мартовские дни проходили ежегодные конференции в Хьюстоне (США), в которых он принимал активное участие. А ведь день рождения - это праздник, а какой праздник без песни? А Валерий Леонидович был большим мастером исполнения романсов и песен под аккомпанемент гитары. Это были прекрасные незабываемые вечера как в экспедиции у костра, так и в лаборатории. И в наших сердцах Валерий Леонидович навсегда останется молодым, полным энергии и любви к жизни.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВАЛЕРИИ ЛЕОНИДОВИЧЕ

После окончания геологического факультета МГУ в 1960 году я пришла на работу в ГЕОХИ в группу Валерия Леонидовича Барсукова и окунулась в атмосферу творчества, дружелюбия, энтузиазма и оптимизма. Валерий Леонидович обладал удивительной научной интуицией. Исследования в группе, а с 1 марта 1972 года в его лаборатории, всегда были актуальными и интересными. Он смело доверял молодым сотрудникам самостоятельно решать сложные научные и организационные задачи, но в то же время брал на себя всю ответственность за их выполнение. Практически все геохимики и аналитики группы защитили кандидатские диссертации и, выпустив кандидатов, в 1971 году Валерий Леонидович сам стал доктором.

Большое значение в жизни лаборатории имели экспедиционные работы. Они проводились во многих районах страны и за рубежом: Дальний Восток - Армения, Камчатка - Исландия, Кавказ - Румыния, Урал - Кипр, Забайкалье - Альпы, Средняя Азия - Чехословакия, океаны.... Но самым значимым был Дальний Восток, магматические комплексы и оловянные месторождения Сихотэ-Алиня и Мяо-Чана. Он стал полигоном, где решались главные задачи геохимии олова в магматических процессах и эндогенного рудообразования (источник рудного вещества, способы и условия его переноса гидротермальными растворами и отложение). Позже Валерий Леонидович так сформулировал и название своей докторской диссертации. Полевые работы под руководством начальника Дальневосточной экспедиции В.Л.Барсукова велись несколько лет. С большим энтузиазмом в них участвовали не только сотрудники лаборатории, но и химики из аналитического отдела Института, стремившиеся в свои очередные отпуска поработать в Барсуковской экспедиции. Их помощь, особенно А.В.Давыдова, трудившегося в должности коллектора, была неоценимой.

В этих экспедициях складывались научные, а порой и личные судьбы молодых специалистов, зарождались темы диссертаций и молодые семьи. Плодотворное сотрудничество и теплые дружеские отношения Валерия Леонидовича с дальневосточными геологами Ю.И.Бакулиным- первооткрывателем месторождения Солнечное, В.В.Онихимовским, Г.Е.Усановым, а также с местными летчиками и радистами, во многом помогали преодолевать трудности работы в таежных безлюдных районах, куда можно было добраться только на вертолетах или на лошадях.

Параллельно с изучением каменного материала Валерий Леонидович ставит задачу проведения в лаборатории экспериментального моделирования поведения олова и сопутствующих ему элементов в ходе развития

магматических и гидротермальных систем; получение отсутствовавшей для олова физико-химической информации по состоянию, коэффициентам распределения металла при дифференциации расплавов, по формам переноса во флюидах и факторам, ведущим к его концентрированию. Валерий Леонидович был не только талантливым научным руководителем, но и душой коллектива.

Жизнь научная и общественная в лаборатории бурлила: научные семинары, доклады на конференциях молодых ученых и симпозиумах, "самиздат" томов трудов лаборатории, защиты диссертаций, новоселья, рождения детей, праздничные вечера. Свое отношение к Валерию Леонидовичу сотрудники лаборатории старались выразить в юбилейных поздравлениях в стихах на мелодии романсов, которые он очень любил и пел.

Годы работы, общения с Валерием Леонидовичем, человеком ярким, целеустремленным, равнодушным, наделенным большой притягательной силой, незабываемы.

*Пусть Вы в академиках,
Но часто так случается,
Что праздник - день рождения Ваш-
Не дома Вы встречаете.*

*Вольфрам и медь, и золото,
Аммоний в рудных залежах
И перенос во флюидах
Вам не забыть, пожалуй, их.*

*Что на судьбу нам сетовать,
Мы рады - Вы не в Хьюстоне
И счастливы приветствовать
Вас дома, в институте.*

*Пусть Венера и Луна
Теперь Вам ближе кажутся,
Но не забыть Вам никогда
Касситерита залежи.*

*Надеемся увидеть Вас
В родной лаборатории
И вспомнить годы давние,
Как мы мечтали спорили.*

*Пусть сбудутся теории
И в практику внедряются,
И все землетрясения
Науке покоряются.*

*Как много было сделано,
Чтоб вскрыть земные тайны
Но мысль ученая ведет
В космические дали Вас.*

*И корабли науки мчат
В моря, в края жасминные
Но позабыть вовек нельзя
Те годы соловьиные.*

*Но разве можно позабыть,
Хоть годы мчатся чередой,
Костер в тайге хабаровской,
На Мяо-Чане, под луной.*

*Пусть не поблекнет олово,
О чем мечтали - сбудется.
Пусть не проходит молодость,
Еще сильнее любитесь.*

*Гитара, звезды и друзья,
Прекрасна жизнь таежная
И олово выносятся
Куда ему положено.*

ЭТО БЫЛО СЧАСТЛИВОЕ ВРЕМЯ

Впервые я услышала о Валерии Барсукове как ярком, одаренном многими талантами, в том числе умением ценить дружбу, человеке, от своего сослуживца по ИГЕМу и друга Виталия Дубровского в конце 50-х годов. А познакомилась с семьей Барсуковых в самом начале 70-х на вечерних прогулках фокстерьеров: их Тимофея и моей Ники, в нашем дворе.

Став директором ГЕОХИ в 1976 г., Валерий Леонидович наметил в качестве одной из первоочередных задач создание сервисной лаборатории для обслуживания геохимического и аналитического отделов и приложил огромные усилия для формирования кадрового состава, выделения и оборудования лабораторных помещений и оснащения лаборатории самыми современными приборами: атомно-абсорбционными, атомно-эмиссионными и рентгенофлуоресцентными спектрометрами, рентгеновскими микрозондами, хроматографами, спектрометрами, CHNS-анализаторами и другим оборудованием, обеспечившим возможность определения в различных объектах до 64 элементов и веществ в интервале концентраций от 100 до $10^{-9}\%$.

В феврале 1976 г. Валерий Леонидович обратился с просьбой принять участие в организации лаборатории к Ю.И.Беляеву, ко мне, к И.Д.Шевалеевскому и Е.Н.Савиновой. Чувствуя каждодневную помощь и поддержку, мы очень старались, и уже в июне 1976 г. была организационно оформлена Центральная аналитическая лаборатория, которая выполняла множество анализов, необходимых Институту, а также по заданиям многих ведомств и министерств.

С последними связан ряд комических ситуаций, которые я с удовольствием вспоминаю до сих пор. Министерство рыбного хозяйства обратилось к директору с просьбой об анализе очень дорогого препарата, закупаемого за доллары в Исландии и Норвегии и используемого для засолки сельди. Препарат был представлен в виде достаточно легких пористых гранул. Получила резолюцию директора: "Пожалуйста, выполните анализ, ведь сельдь - прекрасная закуска". Препарат оказался стехиометрическим хлоридом натрия, гранулированным во избежание слеживания. И за эту соль страна много лет выкладывала тысячи долларов!

Аналогичный случай с автомобилестроением. Остановился конвейер КАМАЗа из-за отсутствия дорогого фирменного импортного реагента, используемого в виде раствора для заполнения одного из блоков двигателя. Смотрю и вижу что-то до боли знакомое в содержимом банок с реагентами, стоящими на полке в коридоре. Действительно, все это оказалось

элементарным едким калием. Вот так-то «дурят» нашего брата их фирмы! Валерий Леонидович долго возмущался этими фактами безумной расточительности безграмотных чиновников.

В эти же годы после разрушительного Ташкентского землетрясения в 1966 г. и в связи с долгосрочным прогнозом геофизическими методами резкого возрастания сейсмической активности и, следовательно, вероятности сильных землетрясений на Кавказе и в Средней Азии, Совмином СССР и Президиумом АН СССР был принят ряд постановлений о развитии работ по прогнозу землетрясений. Особенное внимание уделялось среднесрочному, краткосрочному и оперативному прогнозу, в реализации которого перспективными представлялись гидрогеохимические и гидрогеодинамические методы. В сейсмоопасных регионах в короткий срок надо было создать широкую сеть научно-исследовательских станций и пунктов наблюдения за изменением химического состава подземных вод в связи с сейсмической активностью с целью изучения механизма формирования гидрогеохимических предвестников и возможности использования этих предвестников в предсказании места, времени и силы землетрясений. Осуществление этих программ требовало огромных усилий больших коллективов.

Для организации этих работ, их методологического руководства и координации Межведомственный Совет по сейсмологии и сейсмостойкому строительству в начале 1977г. создал Рабочую группу по гидрогеохимическим предвестникам землетрясений, которую возглавил Валерий Леонидович, и возложил на ГЕОХИ функции головной организации. Я была ученым секретарем группы, и в этом качестве нам необходимо было работать практически со всеми республиками СССР. Это было прекрасное время больших надежд, многих человеческих контактов на самом различном уровне: от наблюдателей на высокогорных станциях до Председателей Совминов и Президентов Академий Наук союзных республик.

Всегда поражала удивительная способность Валерия Леонидовича вызывать симпатии собеседника с первой минуты контакта. Думаю, что на всех уровнях люди ценят эрудицию, убежденность, масштабность в оценке проблем, открытость и благожелательность, а также бескорыстную помощь в решении вопросов безопасности населения. Все это существенно облегчало работу в республиках, и к 1980 г. на территории СССР было организовано 84 станции для режимных наблюдений за гидрогеохимическими предвестниками, в том числе три научно-исследовательские станции ГЕОХИ на территории Таджикской, Армянской и Киргизской ССР.

Реализация этих задач требовала большой отдачи душевных и физических сил, в том числе из-за необходимости внезапных многочисленных командировок с весьма ограниченным временем. Режим жизни тех лет можно описать коротким алгоритмом: лаборатория-аэродром-машина-

совещания в кабинетах республиканских ведомств и академических институтов-уазик - маршруты по 300-400 км в день по горным дорогам Кавказа, Тянь-Шаня или Памира для проверки и обсуждения результатов работы высокогорных станций - снова совещания в кабинетах ученых и чиновников республик - самолет-Москва. Все это максимум за 3-4 дня. Для сна, если только оставалось 5 часов в сутки, то это была большая удача. Именно в таких ситуациях наиболее ярко проявлялись такие черты характера Валерия Леонидовича как исключительная выдержка, выносливость и работоспособность.

Во время многократных командировок в Алма-Ату, Душанбе, Фрунзе, Ташкент, Ереван, Тбилиси, как правило, решались сложные научные и организационные проблемы, но практически каждый раз происходили события, которые надолго остаются в памяти и много лет греют душу юмором и теплом.

Февраль 1979 г. Летим на панику в Ереван, вызванную последними стадиями 300-летнего цикла повторяемости катастрофических землетрясений на территории Армении. Ошибка геофизиков при долгосрочном прогнозе в масштабе 300 лет была маленькой - всего 4%, а прогноз реализовался через 12 лет разрушительным Спитакским землетрясением. Но в 1977 г. для оценки сейсмической ситуации в Ереван вылетела весьма представительная делегация АН СССР, которую возглавляли вице-президент АН СССР, академик А.В.Сидоренко, а в составе делегации были академик Н.А.Шило, ведущие геофизики страны, директора ряда институтов, в том числе член-корреспондент АН СССР Валерий Леонидович Барсуков, сотрудники отдела науки ЦК КПСС и от Рабочей группы по гидрогеохимическим предвестникам мы с Л.Г.Соловьевым.

Работы было так много, что в ту первую поездку мы видели Ереван только из окна иллюминатора самолета. На обратном пути стоим в Ереванском аэропорту у регистрационной стойки, и вдруг всех членов делегации просят взвеситься вместе со своими чемоданами. Выражаю бурный протест по поводу столь возмутительной акции - взвесить даму на глазах у целой толпы руководящих мужчин. Валерий Леонидович решительно поддержал протест, и регистраторам пришлось отступить. Оказалось, что для взлета тяжелого самолета в горах в условиях плохой видимости и близости горы Арарат необходима тщательная центровка самолета на земле, что и пытались предусмотреть при регистрации.

Осенью 1980 г. нас пригласил в Грузию директор института геофизики и сейсмологии АН Грузии, академик Б.К.Балавадзе. Мы должны были совместно с Мингео Грузии обсудить вопросы размещения наблюдательных станций и оказать методическую помощь сотрудникам станций. Мы прилетели вечером и сразу получили приглашение принять участие на следую-

щее утро в совещании по проблемам экологии Грузии, которое проводили ЦК и Совмин республики. Утром в конференц-зале Совмина мы слушали великолепный поэтический доклад Э.А.Шеварднадзе (много цитировал Шота Руставели и других поэтов) о природе Грузии. Валерий Леонидович сидел в Президиуме вблизи Э.А.Шеварднадзе. В перерыве заседания, когда члены Президиума пили кофе в специальном помещении, министр геологии Грузии Гогитидзе попросил меня познакомить его с Валерием Леонидовичем. Я подошла к охраннику и попросила, если возможно, позвать В.Л.Барсукова. Он спросил: "А какой он?". Отвечаю: "Черный и усатый", - "У нас все черные и все усатые" - отвечает охранник. Минута замешательства, потом спрашиваю: "Шолохова "Тихий Дон" читали?" - "Читал", отвечает охранник. "Григория Мелехова представляете?" - "Да". И вывел из Президиума Барсукова.

Много еще было трогательных и вызывающих улыбки ситуаций, которые помогали вынести тяжелые нагрузки тех лет. Но среди череды событий есть особенно запоминающиеся. Алма-Ата, не могу точно вспомнить, какой это был год 1981 или 1982.

Мы приехали знакомиться с работой сети комплексных прогностических полигонов Института сейсмологии Казахской АН. Прекрасно оборудованные станции и весьма квалифицированные сотрудники - геофизики-сейсмологи и геохимики. Длительные маршруты в горах Тянь-Шаня и привал с ночевкой в высокогорной обсерватории АН. Многочисленная команда, которая была вместе с нами, привезла барашка и приготовила практически весь ассортимент национальных блюд из баранины. Голова барана готовится, но разделяется прямо за столом, где старший (ведущий стол), отрезая соответствующую часть головы, спрашивает у почетного гостя, а им, как Вы догадываетесь, был Валерий Леонидович, кому из присутствующих следует отведать эту часть головы. Дошло дело до глаз барана, и их полагается получить тому, которому гость доверяет больше всех из присутствующих людей. Гость сказал: "Гале". А потом мы почти до рассвета пели у костра. Горы, темное в огромных звездах небо так близко, что кажется можно потрогать рукой, гитара в руках у Валерия Леонидовича и его любимая песня "Когда проходит молодость..." Таким я его помню всегда.

ВСЕГДА В ПУТИ

Шел 1951 год ... Страна работала еще в темпе военных лет, делая все, чтобы стереть следы великой трагедии. И хотя лозунг "Родина - мать зовет!" еще не был забыт, люди уже думали о будущем. Молодежь, сменив обмундирование, вернулась в институты и с усердием пополняла свои знания, чтобы скорее стать геологами и искать подземные клады, стать физиками и покорять атом, стать конструкторами и строить космические аппараты...

В то время в ГЕОХИ пришла группа молодых специалистов, окончивших МГРИ. Среди них был и Валерий Барсуков - молодой, целеустремленный парень, реалист по призванию и романтик по натуре. Дружба этих ребят, сложившаяся еще в МГРИ, сразу создала соответствующий климат в молодежной среде сотрудников Института. Вокруг нее сплотился и весь комсомольский коллектив, который возглавил Валерий.

Около 30 геологических отрядов ежегодно отправлялись из ГЕОХИ на разведку месторождений полезных ископаемых в удаленные районы страны и за рубеж. Настойчиво искал и обстоятельно исследовал Валерий найденные месторождения бора, олова и других элементов, имеющих важное значение для страны. Результаты этих работ опубликованы им во многих статьях и монографиях.

Прошло много лет.... Страна сделала огромный шаг от послевоенной разрухи к великим свершениям. Создана первая в мире атомная станция, запущен в космос первый спутник Земли, отправился в путь первый атомный ледокол "Арктика", совершил полет в космос Юрий Гагарин ...

Все это было достигнуто героическим трудом нашего народа, трудом наших "пятидесятников", трудом тех геологов, которые искали стратегическое сырье, трудом наших химиков, которые перерабатывали топливо для реакторов, ... наконец, трудом тех, кто создал уникальную аппаратуру и первым проник на Луну, Венеру, Марс ...

Шло время и молодые в прошлом становились именитыми учеными с большим опытом и знаниями, и среди них Валерий Леонидович, который стал доктором геол.-мин. наук, профессором. Волей судьбы и благодаря своему большому профессиональному опыту ему выпала высокая честь стать директором Института. Это произошло в 1976 году. Не легко было заменить своего предшественника - академика А.П.Виноградова - ученого с мировым именем, создавшего в свое время научный авторитет и международную славу институту В.И.Вернадского.

Однако, будучи человеком с большим научно-организаторским опытом, В.Л.Барсуков в короткий срок выявил наиболее актуальные направления работ в геохимии, аналитической химии и планетологии и определил приоритеты своего участия в них. Мне по профилю своих работ ближе планетология, и я остановлюсь на ней более подробно.

С появлением космической техники к исследованиям тел Солнечной системы подключились ученые многих специальностей, но не геологи. Это привело к тому, что с одной стороны появилось обилие новых фактов об этих телах, а с другой явный недостаток в их научной интерпретации. Валерий заметил это и определил для себя планетологию одним из главных направлений своей научной деятельности. Он возглавил в Академии наук Секцию по планетам и малым телам Солнечной системы, которая по существу определяла направление этих исследований в рамках национальной программы страны. Вскоре решением правительства Институт был определен головной организацией по исследованию внеземного вещества с помощью космических средств. В эти годы имело место широкое советско-американское сотрудничество по исследованию планет и малых тел Солнечной системы. Направление этих работ определялось и координировалось Совместной советско-американской рабочей группой, руководителем которой с советской стороны был назначен В.Л.Барсуков. Таким образом, Институт начал оказывать существенное влияние на формирование национальной и международной программ планетных исследований.

В эти годы страна вела штурм Венеры - планеты наиболее близкой к Земле по своим физическим характеристикам. Каждые 1,5 года к планете отправлялись два космических аппарата, имевших на борту приборы созданные в нашем институте. В суровых климатических условиях на Венере (100 атм. и 500°C) впервые в истории планетных исследований был определен элементный состав и физические свойства венерианских пород на равнинах и в горных районах Венеры.

Результаты этих пионерных экспериментов и до настоящего времени являются единственными основополагающими данными, которые широко используются мировой научной общественностью для развития современных представлений о Венере, которая еще до недавнего времени оставалась загадкой.

Эти исследования были отмечены многими правительственными наградами, а В.Л.Барсукову и автору этих строк были присвоены звания лауреатов Государственной премии СССР.

Шло время Под научным руководством В.Л.Барсукова продолжали исследовать Венеру КА "Вега", открыл новый этап в исследовании Марса КА "Фобос", готовилась в путь эпохальная миссия "Марс-94/96". Но этой, последней при жизни В.Л.Барсукова, миссии не суждено было осуществ-

виться. Она оборвалась так же, как преждевременно и трагически оборвалась жизнь Валерия Леонидовича, который вложил много сил в этот проект.

За свою недлинную жизнь он прошел длинный путь в науке, от молодого специалиста-геохимика до умудренного опытом и знаниями академика, руководителя одного из ведущих институтов Академии наук. В.Л.Барсуков был ведущим талантливым ученым, волевым руководителем, замечательным организатором и ... добрым, веселым и контактным человеком. О последнем хочется сказать особо.

Хорошо помню Валерия в его бытность руководителем комсомольской организации: всегда в кругу сверстников, вместе в ГЕОХИ, вместе на строительстве стадиона в Лужниках, вместе на официальных праздниках, вместе на домашних вечеринках, часто с гитарой, или у рояля, всегда с песней.

Случилось так, что последние 10-15 лет мне приходилось ежегодно отмечать его день рождения в ... США. После того, как американские КА "Аполлон" доставили лунные образцы на Землю, американцы ежегодно стали проводить лунно-планетные конференции в Центре космических полетов (г.Хьюстон). Конференции проходили всегда в середине марта и день рождения Валерия всегда попадал на время конференции. Всякий раз, когда мы приезжали в Хьюстон, американские коллеги приглашали в свои дома или рестораны, где отмечали день рождения Валерия. Зная контактность руководителя нашей организации и умение хорошо адаптироваться в кругу американцев, они делали это всегда с большим удовольствием. Видеть руководителя советской делегации с гитарой в руках было для наших хозяев совсем непривычно, и никак не походило на те "портреты советских людей", которые в ту пору нередко фигурировали в зарубежной прессе.

Таким он был.

Вся жизнь его была лишь мигом одним, но она оставила яркий след

УСТРЕМЛЕННЫЙ ВО ВЛАСТЬ

(штрихи к портрету В.Л. Барсукова)

Любой человек прежде всего интересен тем, что он существо многогранное. Если же гены предков дали в нем глубокое и всестороннее выявление их талантов и способностей, то он неизбежно вторгается в жизнь многих людей, оставляя после себя воспоминания, которые живут в нас до конца дней наших. Валерий Леонидович Барсуков, не в меньшей степени, чем Александр Павлович Виноградов, оказал огромное влияние на мою жизнь, активно помогал мне решать научные задачи, которые я ставил перед собой. Мне посчастливилось много лет работать с ним вместе, научиться у него не только приемам научно- административной работы, но и умению вести полемику по самым острым вопросам нашей непростой жизни. Он открыл мне уникальную возможность увидеть многие страны мира и показал, как надо отстаивать наши национальные интересы в международных организациях.

Несомненно, Валерий Леонидович был незаурядной личностью и одаренным человеком. Его большой, творческий талант ученого ярко выявился уже в его первых детальных научных исследованиях проблем геохимии месторождений олова и бора. Впервые я познакомился с Валерием Барсуковым 35 лет назад, когда студентом-дипломником кафедры геохимии МГУ стал работать в ГЕОХИ, в его комнате. Сотрудники Валерия Леонидовича профессионалы-химики Анна Петровна Клинцева и Нина Николаевна Баранова взяли надо мною шефство, помогая мне советами. На меня большое впечатление произвел неподдельный демократизм его общения со своими сотрудниками и со мною. Он сразу попросил называть его по имени в стенах лаборатории. Этому стилю он следовал всю жизнь, если разговор происходил в неофициальной обстановке.

Валерий Леонидович имел сложный, типично русский характер, вмещающий полярно противоположные начала. Как отмечал Бердяев, "Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать, как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ склонный к национализму и национальному самонению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный. Эта противоречивость создана всей русской историей и вечным конфликтом инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа".

Неучет противоположных начал в характере Барсукова, его неповторимой самобытности, приводит либо к неоправданному выпячиванию его неудач, как в воспоминаниях академика Р.Сагдеева, либо к идеализации, покоммунистически безмерной и малоправдивой его успехов в оценке Л.Хитрова. Да, Барсуков был довольно жестким к своим оппонентам и недругам, но внимателен и добр к своим друзьям и ближайшим коллегам. Он, как никто, умел сдерживать свои эмоции в высоких кабинетах, но всегда был душой компании за дружеским столом, неподражаемым в исполнении романсов под гитару и в игре на фортепьяно. Его с молодых лет явно отличала "устремленность во власть" и он любил ее атрибуты (гарантированные, частые поездки за границу, персональная машина, хорошая квартира, и т.п.). В то же время, отстаивая свою принципиальную позицию, он часто пренебрегал дипломатией, был прямолинеен, рисковал своей карьерой, доверяясь (к сожалению, не всегда оправданно) профессионализму и порядочности своих коллег. Результатом этого были "задержки" в получении должности заведующего лаборатории, звания академика и должности члена Президиума академии.

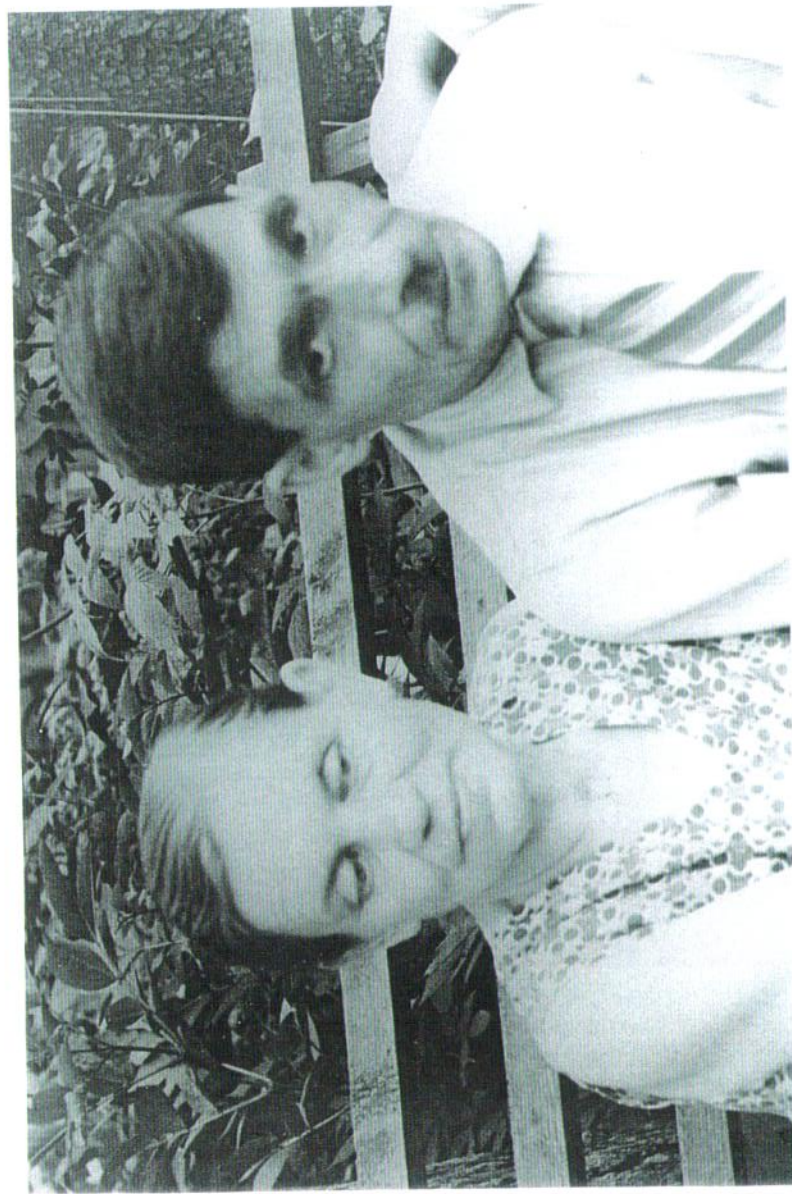
Вспоминая Валерия Леонидовича Барсукова, мы неизбежно возвращаемся в становящиеся далекими времена советского общества. Мы оказались в нем по независящему от нас факту рождения и с детства искренне верили в широко пропагандируемые идеалы, стремились своим трудом сделать нашу жизнь лучше, по крайней мере, в той сфере, где мы работали. Каким бы был Барсуков сегодня, - нам не дано знать, ибо он ушел из жизни в год развала Советского Союза и рождения новой России, нового строя, который некоторые проницательные люди называют номенклатурным, олигархическим или грабительским капитализмом. На мой взгляд, феномен Барсукова невозможно понять без учета истоков исторических условий формирования советского общества, его бюрократии, оказавшейся более сильной, чем бюрократия царская. На кого мог равняться Барсуков, который, как говорят его близкие, с детства почувствовал вкус к власти?

Гражданская война, вызванная Октябрьским мятежом 1917 года, выработала, по мнению Бердяева, "новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе. Это - мировое явление, одинаково обнаруживающееся в коммунизме и фашизме. <...> В новом коммунистическом типе мотивы силы и власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сострадания. В этом типе выработалась жесткость, переходящая в жестокость. <...> Новый душевный тип, призванный к господству в революции, поставляется из рабоче-крестьянской среды, он прошел через дисциплину военную и партийную. <...> Именно война с ее навыками и методами переродила тип русской интеллигенции. Ме-

В.Барсуков - студент МГРИ

Родители В.Л.Барсукова - П.Н.Жуковская и Л.Н.Барсуков

В.Л.Барсуков с дочерью Татьяной

Лаборатория теоретических основ прикладной геохимии. 1992г.

Сверху (слева направо):

Архангельский А.Н., Кабанова И.В., Спасенных М.В., Фрид А.М.,
Зорина О.И., Баранов Э.Н., Банникова Л.А.,
Коваленко Н.И., Барсуков В.Л., Александров И.В.,
Козеренко С.В., Баранова Н.Н., Карпухина В.С.,
Жилина Е.И., Дурасова Н.А., Колпакова Н.Н.,
Ларичева О.О., Кочнова Л.Н., Черкасова Е.В.,
Куликовский В.Е., Фадеев В.В., Кравченко С.С.

В экспедиции в Якутии. 1955г.

В.Л.Барсуков и Э.М.Галимов

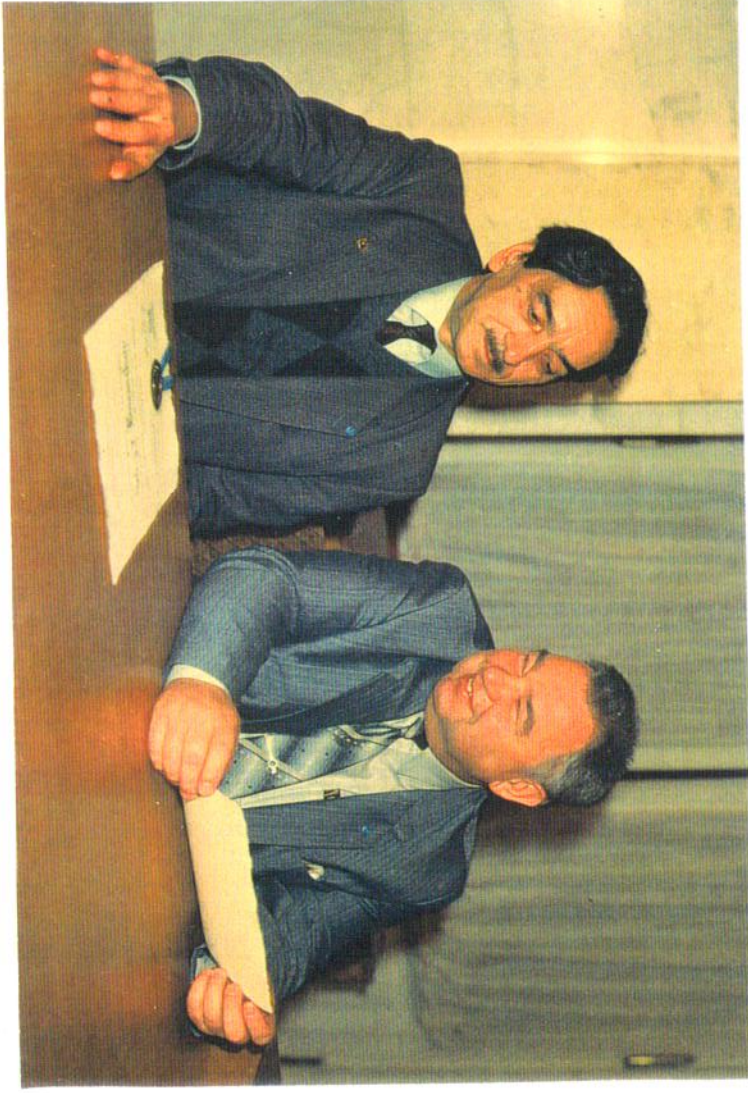

Вице-президент АН СССР акад. В.А.Котельников
вручает акад. В.Л.Барсукову
диплом об избрании действительным членом
международной академии астронавтики.

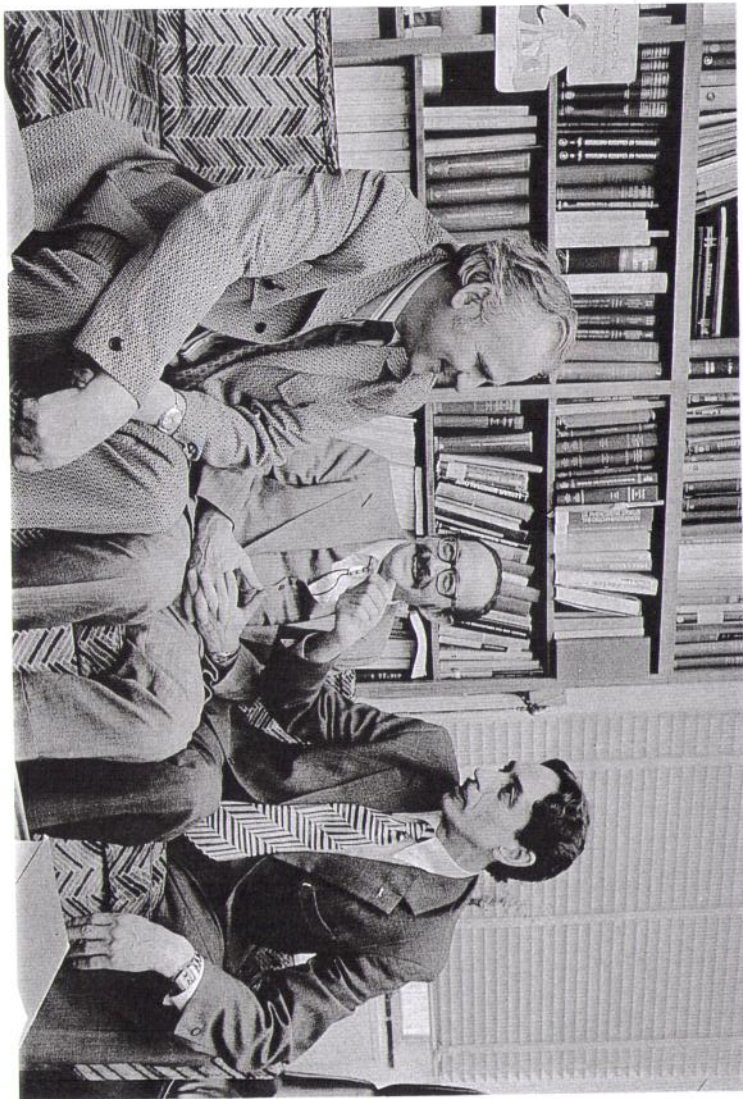
Ведущие ученые ГЕОХИ на праздновании 80-летия А.П.Виноградова (1975)
слева направо: И.П.Алимарин, А.И.Тугаринов, Ю.А.Золотов,
А.П.Виноградов, Н.И.Хитаров, Л.В.Тасун, В.Л.Барсуков.

В.Л.Барсуков и летчик-космонавт СССР Г.М.Гречко

На борту ракетного крейсера "Слава"
с американским конгрессменом Карром. 1989г.

Ю.А.Сурков, Дж.Вассербург, В.Л.Барсуков

тоды войны перенесены были внутрь страны. Появился новый тип милитаризованного молодого человека. В отличие от старого типа интеллигента, он гладко выбритый, подтянутый, с твердой и стремительной походкой, он имеет вид завоевателя, он не стесняется в средствах и всегда готов к насилию, он одержим волей к власти и могуществу, он пробивается в первые ряды жизни, он хочет быть не только разрушителем, но строителем и организатором".

Но всю полноту власти, как мы теперь знаем, можно было получить, лишь войдя в привилегированный класс советской номенклатуры, созданный гением Сталина, которому Барсуков, как я понял, всегда поклонялся.

Барсуков по натуре был прирожденным лидером и, конечно, функционеры КПСС сразу обратили на него свое внимание, еще когда он был комсомольцем. В 1957 году В.Л.Барсукова избирают секретарем парторганизации и назначают Ученым секретарем Института. К сожалению, его партийная карьера, так же как и наука, требовавшая от него большой самоотдачи, исключительной работоспособности и сосредоточенности, стала развиваться быстрее, чем научная. Вместо скорейшего завершения работы над докторской диссертацией он в 1966 году перешел из ГЕОХИ в ЦК КПСС и стал использовать свои недюжинные способности в основном не на научную работу, которую он по-прежнему любил и по его собственному выражению "старался не забрасывать", а на неуклонное продвижение по партийным и административным ступенькам, заморозившее его перспективой власти. Как отметил Л.М.Хитров, "В ЦК КПСС В.Л.Барсуков от инструктора отдела науки и учебных заведений вырос до зав. сектором естественных наук. Это высоко. "Вертушка". Уровень - президенты и вице-президенты Академий".

Я хорошо помню, как Барсуков вначале довольно презрительно говорил о характере своей работы на Старой площади, во главу угла которой было прежде всего поставлено обязательное для всех присутствие, а не само дело. Он рассказывал мне о ничем не обоснованных условиях победившего коммунизма, созданных для высших партийных чиновников. Я думал, что это неприятие вскоре приведет его обратно в институт. Однако, большие властные полномочия, которые он получил, личное участие в выработке решений "директивных органов", обязательных для исполнения, возможность достижения легких побед над своими конкурентами в партийной и научно-административной карьере все-таки взяли верх. По существу, Барсуков в течение 10 лет был вычеркнут из активной научной работы, несмотря на защиту докторской диссертации и организацию собственной лаборатории в 1972 году. Воля к власти стала для него постепенно самодовлеющей, и за нее он уже был готов бороться "как за цель, а не как

за средство". Столь долгое пребывание в оплоте партийной власти не могло пройти без усвоения ее стиля.

Как отметил Бердяев в своей книге "Истоки и смысл русского коммунизма" (1937), "великое отличие <коммунизма> от христианства в том, что христианский катехизис не требует лжи для осуществления высшей цели и не допускает пользования всеми средствами, самыми преступными". Причем, нельзя целиком на коммунистов возложить вину за это: "они тут жертва злого прошлого".

Сейчас невозможно сказать, каких высот в партийной иерархии смог бы достичь Барсуков, если бы верх одержали те, кто не хотел отпускать Барсукова из ЦК КПСС в Академию наук после кончины А.П.Виноградова в ноябре 1975 года. Не сомневаюсь, что в полном соответствии со знаменитым принципом Питера, Барсуков мог "дорости" не только до секретаря ЦК КПСС, но и получить пост крупного государственного деятеля (как В.А.Кириллин, ставший после заведования отделом науки ЦК КПСС академиком, вице-президентом АН СССР, зам. председателя Совета Министров СССР, председателем Госкомитета СССР по науке и технике) или администратора в аппарате Президиума Академии наук (как сотрудник отдела И.М.Макаров, ставший заместителем министра высшего образования, академиком и затем Главным ученым секретарем Президиума Академии наук в 1988 году).

Мне кажется, что для ГЕОХИ решение В.Л.Барсукова вернуться в институт было выходом из трудного положения после смерти А.П.Виноградова. К Барсукову не был применен, как последнее средство, могущественный партийный принцип демократического централизма (которому он, кстати, всегда неукоснительно следовал). Сегодня очевидно, что его назначение директором нашего многопрофильного института позволило не только сохранить, но и укрепить лидерство ГЕОХИ как в науке, так и в советском обществе в целом, где, как мы знаем, в то время царствовала особая формальная и неформальная иерархия.

В отличие от своего сверстника Д.М. Гвишиани, сделавшего головокружительную карьеру государственного деятеля и получившего звание академика в Отделении философии и права АН СССР, Барсуков не был затем А.Н.Косыгина. Барсукову необходимо было самому обеспечить институту хорошие связи, а следовательно и деньги на новые штатные единицы, новое импортное оборудование и т.п.

У В.Л.Барсукова было два безусловно сильных качества, выявлявших его несомненный политический талант и составлявших суть сталинской технологии власти, которую он освоил в совершенстве в течение своей 10-летней работы в ЦК КПСС. Это прекрасное понимание аппаратной интриги и умение манипулировать чиновниками. Он принимал важнейшие ре-

шения очень быстро и старался добиваться намеченных целей, не останавливаясь ни перед какими преградами, и часто одерживал победу даже в случаях, когда все другие давно опустили бы руки. В столкновениях со своими конкурентами по вхождению во власть и во власти Барсуков проявлял удивительную выдержку и хладнокровие, часто быстро выводившую его горячих оппонентов из равновесия.

Как считал П.Л.Капица - "в современных условиях руководитель научной работы подобен режиссеру." При этом главное требование к нему - "то, что его роль должна быть творческой, а не чисто административной. Он должен понимать смысл и цель научной работы и должен правильно оценивать творческие возможности исполнителей, распределять роли по талантности и так целесообразно расставить силы, чтобы все стороны решаемой проблемы развивались гармонично." Все эти черты, характеризующие, по мнению П.Л.Капицы, "один из уникальных видов человеческого таланта", проявил В.Л.Барсуков во время первых 10-ти лет своей работы в качестве директора ГЕОХИ. Работать с ним было очень интересно. Он не был, как многие директора академических институтов, бюрократом-администратором, живо интересовался и поразительно быстро вникал в новые для себя научные проблемы, точно формулировал задачи новых исследований.

Следуя заветам Вернадского, призывавшего к организации научных работ не по специальностям а по проблемам, Барсуков предложил организовать в ГЕОХИ проблемные советы, которые должны были сплачивать сотрудников, работающих по близким темам в разных лабораториях. В дальнейшем этому принципу он следовал всегда, как при решении теоретических научных проблем геохимии и космохимии, так и при решении прикладных научно-технических проблем военно-промышленного комплекса.

На мой взгляд, наиболее сильное качество В.Л.Барсукова, проявившееся в первые годы его работы директором нашего института, - искреннее желание выслушать и учесть мнение ведущих ученых института перед принятием им ответственных решений по созданию новых структурных подразделений, кадровым вопросам. Особо проявилось в это время его умение слушать людей. Он охотно выслушивал разные мнения, разговор, устную договоренность всегда предпочитал служебной записке. Характерная черта В.Л.Барсукова, роднившая его с учителем - Александром Павловичем Виноградовым, - уважение, которое он питал к людям независимым и презрение к заискивающим коллегам. Отсюда было умение соглашаться с самыми неприятными для него аргументами, если они были высказаны смело, искренне, без боязни потерять его расположение.

Валерий Леонидович смело поддерживал вновь начинающиеся работы, несмотря на возможный риск неудачи, когда неизвестно, что из них выйдет. Здесь он следовал рекомендациям академика П.Л.Капицы - "задача Академии - брать на себя риск, поскольку такие работы в случае удаchi дают наиболее новые и значительные результаты." Многие направления работ в институте получили развитие именно благодаря инициативе Барсукова. Об этом подробно рассказано В.П.Волковым в редакционных статьях журнала "Геохимия", посвященных 70- летнему юбилею со дня рождения В.Л.Барсукова (N 3, 1998) и 50-летнему юбилею ГЕОХИ (N 4, 1997).

Русские по характеру своему склонны к максимализму. Щедрость Барсукова к коллегам, которых он ценил, часто вызывавшая удивление у окружающих, также имела максималистский характер. Через полгода после защиты мною докторской диссертации Барсуков неожиданно сказал мне, что я должен организовать в институте новую лабораторию. Через два года после ее создания он лично делает непростые шаги, преодолевшие запрет КГБ на мой выезд в капиталистические страны, действовавший с 1968 года (после событий в Чехословакии). Наши неформальные отношения в ежегодных поездках в США на лунно-планетную конференцию в Хьюстоне еще больше сблизили нас. Он многократно делал мне настойчивые предложения стать его заместителем по геохимическому отделу, говоря, что он видит во мне своего преемника. Я также регулярно не соглашался, считая, что это дело не для меня - забот по руководству быстро растущей лаборатории (от 7 сотрудников в 1977 г. до 25 человек в 1984 г.) мне вполне хватало. Я также говорил, что ему еще слишком рано думать о преемнике. Позднее непредсказуемая жизнь показала, что его предчувствие не было лишено оснований.

Серьезность своих намерений Барсуков подтвердил редким для директора академического института шагом - поручив мне, самому молодому заведующему, в 1985-86 годах координацию по составлению ежегодных планов работ института в качестве научного руководителя трех комплексных проблем: "Происхождение, эволюция и современное строение Солнечной системы", "Геохимия гидротермальных рудообразующих процессов" и "Термодинамика природных процессов".

Барсуков обладал мощным биополем, гипнотизировавшим людей, а у некоторых вызывавшим чувство неодолимого страха. Последнее не является моей фантазией - некоторые из наших коллег сами говорили мне об этом. В свою очередь, долгое время сам Барсуков находился под совершенно непонятным мне до сегодняшнего дня неодолимым влиянием случайных для науки людей, которые вошли к нему в доверие, умели убеждать, часто получали возможность и злоупотребить этим доверием. Он возвысил их до уровня своих ближайших советчиков, заведующих лаборато-

риями и даже заместителей директора нашего института. По необъяснимым причинам фамилии этих, оговорюсь, представителей исключительно мужского племени, начинались на "мистическую" букву "К".

В.Л.Барсуков был активным функционером советской системы, следвавшей ему, по существу, своим заложником. Как отметил Вацлав Гавел "система служит человеку лишь в той мере, какая необходима для того, чтобы человек служил ей; все, что "сверх этого", то есть когда человек превышает свое заранее ограниченное положение, система рассматривает как атаку на себя. И она права: каждая такая выходка действительно отрицает ее как принцип ... Ее лидеры - несмотря на ту огромную власть, которую им представляет централистская система, - часто являются ни чем иным, как только слепой функцией системы. Опыт учит нас: "самодвижение" системы проявляет себя сильнее, чем воля отдельного лица; если даже кто-то и обладает определенной индивидуальной волей, то вынужден долго скрываться за ритуально-анонимной маской, чтобы вообще получить шансы в иерархии власти. А если он все-таки в этой иерархии добьется своего и попытается осуществить свои замыслы, то раньше или позже "самодвижение" своей огромной инерционной силой одержит над ним победу, и он будет или изгнан из структуры власти, или же вынужден постепенно отказаться от своей индивидуальности, слиться с "самодвижением" и стать его служителем, почти неотличимым от тех, кто был перед ним, и от тех, кто придет вслед за ним".

Как мне кажется, к концу своей жизни яркая индивидуальность В.Л.Барсукова все чаще стала подергиваться дымкой. Цековская выучка администрирования все больше давала себя знать, особенно после получения им звания академика (1987). Жестко распределяя "блага", чередуя кнут и пряник, играя на слабостях ведущих ученых института, на их интересах быть включенными в ежегодные планы зарубежных командировок, стать заведующими лабораториями либо секторами, быть выдвинутыми для избрания в член-корреспонденты академии и, затем, в академики, Барсуков последовательно, год за годом укреплял свой контроль над Ученым Советом, добившись к концу восьмидесятых годов полного его подчинения своей воле. К концу жизни он превратился, как мне казалось, в начальника, не терпящего противостоящих мнений. В последние годы, когда стал академиком, мог по-барски унижить. Я это почувствовал единственный раз, в мае 1986 года, и это, может быть, стало поводом для моего бесповоротного отказа от предложения стать его заместителем.

Это было непростое решение, принятое накануне приказа о назначении. Для включения в номенклатурный круг я был вынужден вступить в члены КПСС. Уже были поделены вместе с Ю.А.Шуклюковым сферы ответственности за работу лабораторий геохимического отдела. Но я понял,

что если пойду на компромисс то со временем могу потерять возможность отстаивать свою личную позицию, превратиться в слепого исполнителя воли директора. Я не захотел потери репутации человека, имеющего свои принципы. Хотя все это и не было сказано Барсукову вслух, я всегда ощущал, что он понял эту главную причину моего отказа стать его преемником.

Не все желания Валерия Леонидовича Барсукова были осуществлены. Не был построен с помощью французской фирмы новый корпус института. На последнем этапе Президиумом Академии наук было отклонено его предложение о новом названии института с добавлением слова "космохимии". Также в последний момент не было принято решение о присуждении ему звания Героя Социалистического Труда при награждении ГЕОХИ орденом Октябрьской революции в 1985 году. Однако то, что им, настоящим лидером института, было сделано в результате его самоотверженной работы, не может не вызывать уважения и благодарности.

"БЕЗ ПАРТИИ Я - НИЧТО..."

Все, кто знал Валерия Леонидовича, отмечают многозначность его личности, неординарность характера, и писать воспоминания о нем - не просто. Я хочу несколькими штрихами обозначить тему, которая ныне не в моде, но от которой не уйдешь и без которой представление о В.Л.Барсукове, как о человеке будут не полными. Я имею в виду его отношения с компартией СССР. "Без партии я - ничто" - говорил он с присущей ему категоричностью. Это было конечно не так, но таким образом Валерий Леонидович обозначал свое отношение к общественной жизни.

В Институт я был распределен в 1966 году, после окончания МГУ. Это было в апреле, а в конце мая, начальником отряда, я поехал в экспедицию вместе с Валерием Леонидовичем. Уже на месте он объяснил, что, возможно, пробудет со мной недолго, если состоится его назначение штатным инструктором отдела науки ЦК КПСС.

Скоро я понял, что это - важное решение в его жизни. Валерий (для меня он до сих пор Валерий - так он велел называть себя сразу после знакомства с ним - работа в поле быстро и надолго сближает людей) почти не спал. После трудного дня ложился за полночь, часа в 2 ночи поднимался, видя, что и я не сплю, поднимал и меня: "Давай кофе пить". Ложился уже под утро. Недели через три получил радиogramму и стремительно (он все делал стремительно) уехал.

Чем была для него работа в аппарате ЦК КПСС? Он искренне верил, что может повлиять на развитие науки в стране. Помню, как с гордостью показывал две строки, вставленные с его подачи в очередную Программу КПСС. Что-то про расширение геохимических и геофизических исследований... Надо учитывать, что происходило это в 60-е годы. Как-то приехал он в институт возбужденный, велел неделю его не трогать: начальство приказало писать записки обо всем, что они (инструктора) думают, ничего не скрывая и не приукрашивая. Где-то через месяц я спросил о результате. Валерий как-то потух, потом махнул рукой: "Да подали бумаги наверх, но все дельное из них вычистили".

Закончились 60-е годы, как известно, трагическим 68-м годом. Я "пражские" события "прозевал". Была осень, все научное начальство, в том числе и Валерий, уехало в Прагу, на Международный Геологический конгресс, и, отпустив отряд и отправив вещи в Москву, я с удовольствием отсиживался в тайге. Приехал в Москву, когда все уже произошло, и, по заведенному обычаю, в первый рабочий день направился не в институт, а к шефу, чтобы рассказать об экспедиции, показать материалы. Уже позвонив

по внутреннему телефону, понял, что не вовремя. Ну, раз приехал... Получил пропуск. Вошел в кабинет и увидел Валерия и Анатолия Николаевича Ермакова (кабинеты у рядовых инструкторов были на двоих), также инструктора аппарата, работавшего одновременно в ГЕОХИ, озабоченно шагавших из угла в угол. На вопрос, в чем дело, Валерий молча махнул рукой на лежавший на столе листок бумаги с тремя фамилиями. В.П.Волков, С.В.Козеренко, И.Л.Ходаковский. Три наших сотрудника, на созванном в Институте митинге поднявшие руки против поддержки действий правительства, введшего танки в Прагу. "Свое я уже получил", - сказал Валерий, потирая шею. "А ты здесь причем?". "Ну как же. Вызвал Макаров (до недавнего времени - Главный ученый секретарь РАН, в то время - зав. сектором в отделе науки ЦК - непосредственный начальник Барсукова), спросил, не знаю ли я, чьи это. Я, конечно, ответил, что знаю - мои. Ну, и получил. " Я спросил, что теперь будет с ребятами. Валерий пожал плечами. "Вот, думаем, как сделать, чтобы разбираться поручили нам. А то в орготделе народ жесткий. С ними и нам нелегко бывает разговаривать."

Известно, что тройка отважных граждан вышла из ситуации с минимальными потерями. Думаю, в этом заслуга не только Барсукова и Ермакова: Для меня важен факт уважения Барсукова к позиции людей, с которой он, по существу, не был согласен. Эта черта - уважение к чужой позиции, если она есть, была ему присуща. Например, по поводу моего вступления в партию мы с ним объяснились однажды, раз и навсегда. То же было и с нашим общим покойным другом Толей Егоровым, бывшим тогда начальником одной из экспедиций в Хабаровском крае. Толя собрался вступать в партию, договорился с Валерием о рекомендации, но, войдя в конфликт с райкомом партии по служебным делам, по принципиальным соображениям отказался от своего решения. С Валерием имел крутой разговор, но отстоял свою позицию и до конца своих дней оставался одним из его любимых друзей. Между прочим, лаборатория Барсукова была почти сплошь беспартийная. Однажды всерьез он воскликнул: "Ну, что вы со мной делаете! Каждый раз, как только кто-то из вас выезжает за рубеж, я должен специально идти на Комиссию в ЦК и клясться, что я ручаюсь за вас, что вы будете вести себя, как надо и не сбежите! И всякий раз выслушивать ехидные вопросы, почему вы беспартийные, если такие патриоты".

...Его личное отношение к чешским событиям мы не обсуждали. Зная, что разговор на некоторые политические темы к согласию не приведет, мы их избегали. Но по косвенным признакам я могу предполагать его неоднозначное отношение к происходившему. Он, например, с мрачным юмором рассказывал, как в первое утро вторжения Екатерина Александровна Радкевич, директор ДВГИ, выйдя в холл гостиницы, пожаловалась портье, что плохо спала из-за грохота на улице. "Это у вас всегда так?" "Нет, только

когда ваши танки по нашим улицам ездят", - хмуро ответил портье. А спешно закрывая прерванные заседания Геологического конгресса, председательствовавший пригласил всех через 4 года в Монреаль: "Надеюсь, туда советские танки не дойдут". Позже, от В.В.Онихимовского, начальника ДВ Геологического управления узнал, что в первые утренние часы, сгорая, они с Барсуковым отправились было на улицы, чтобы выяснить, что происходит, поговорить с людьми, но быстро поняли бессмысленность любых слов и вернулись в гостиницу.

Надо сказать, что ощущение, что происходит что-то не то и не так, у Валерия периодически возникало. Возвращаясь из-за рубежа, он часто сокрушался: "Ведь живут же люди. Почему мы у себя так не можем?". Как-то раз почти растерянно рассказал о внезапно яростной реакции таксиста на проезжавшие мимо "членовозы": "Это ж надо дожить до такого, что тебя собственный народ почти презирает!". Очень переживал, когда им, инструкторам ЦК, не дали официальное разрешение на регулярное посещение институтов, где они работали, по той причине, что они партийные, а не научные работники. "Как они не понимают, что рубят сук, на котором мы сидим!".

В отделе науки, по моим понятиям, был белой вороной. Решения принимал быстро, бумаг в столе не держал, на все имел собственное мнение, не всегда совпадавшее с начальственным (к счастью, его хорошо понимал и ценил Макаров и в таких случаях всегда прикрывал). И очень переживал за чиновный стиль работы аппарата.

Действительность иногда беспощадно изумляла и Барсукова. Вспоминаю такой казус. Валерий каждый месяц своего летнего отпуска использовал для поездки либо в экспедицию, либо в исследовательский рейс. В экспедицию мы оформляли его как научного руководителя, взятого по трудовому соглашению, чтобы он мог летать в поле и пользоваться довольствием за счет договорных средств (перейдя в ЦК, В.Л.Барсуков в зарплате несколько потерял). И вот, после первого такого сезона, бухгалтерия затребовала с меня справку с места работы нашего научного руководителя. Барсуков отправился в управление кадров своего учреждения и....справку не получил. Оказалось, что ЦК партии у нас есть, дом на Старой площади, полный чиновников - вот он, но аппарата у ЦК - как бы и нет. Ситуация - для пера Ильфа и Петрова. Конечно, мы сразу поняли, что происходит укрупнение масштабов и источников финансирования партийной деятельности, но, хотя жизнь и делает нас в какой-то мере циниками, для искреннего коммуниста, каким был Валерий, это было легкое потрясение.

Нельзя сказать, что жизнь сделала В.Л.Барсукова таким уж демократом. Например, он категорически не принимал позицию Андрея Дмитриевича Сахарова. Считал, что человек такого уровня должен иметь "государ-

ственное" мышление, но таковое воспринимал только с позиций члена КПСС, полностью освоившего Программу партии. И искренне переживал, что многие уважаемые им люди такую его позицию не принимали.

Я знаю, что столь же важным рубежом было для В.Л.Барсукова и возвращение к деятельности профессионального ученого. Ему "светила" партийная карьера, но руководители аппарата ЦК, как он сам рассказывал, предупредили, что, возвращаясь в ГЕОХИ, он закрывает себе возможность продолжить деятельность партийного функционера. И точно так же, оставшись в ЦК, он должен будет полностью посвятить себя партийной работе и с наукой придется проститься. Барсуков выбрал ГЕОХИ и, насколько я знаю, без особых раздумий.

Вот что я хотел рассказать в коротких заметках. Слишком мало прошло времени, чтобы осмыслить и выстроить воспоминания о В. Л. Барсукове в единую систему. Слишком сложный человек, со сложным характером, выстроивший свою сложную жизнь. "Я такой, и другим быть не собираюсь", - был его девиз, он часто его повторял. Таким и запомнился.

БАРСУКОВ – ПЛАНЕТОЛОГ

Мои самые ранние впечатления о Валерии Леонидовиче Барсукове уходят в начало 70-х годов. Барсукова я тогда еще ни разу не видел, но знал, что есть такой человек-легенда, научный сотрудник ГЕОХИ, которого взяли на работу в Отдел науки ЦК КПСС. Я, как и многие, четко различал тогда две части ЦК: его избираемых на партийных форумах членов и аппарат. К первым, в силу разных причин, относился скептически. Зато вторая часть вызывала уважение как мощная управленческая организация, которая, наверное, собственно и руководила страной. Барсуков был сотрудником отдела, который, насколько мне известно, занимался организацией и развитием науки в нашей стране. Работа в ЦК, как мне кажется, стала для Барсукова школой, подготовившей его к исполнению обязанности директора ГЕОХИ. Она дала ему понимание реального состояния дел в нашей науке, научила основам практической бюрократии и управления людьми и помогла установить полезные знакомства.

В 1976 году Валерий Леонидович, став директором ГЕОХИ АН СССР, приобрел для меня зримый образ. Высокий, худощавый, темноволосый, молодой, он руководил Институтом активно. Одним из его первых и весьма популярных шагов стал перевод на должности старших научных сотрудников довольно большого количества людей, которые до этого уже давно объективно созрели. Началось активное знакомство директора с лабораториями Института. К близкой мне планетологической тематике Валерий Леонидович стал проявлять повышенный интерес. Я думаю, что сначала это был интерес по обязанности, так как стараниями Александра Павловича Виноградова ГЕОХИ был вовлечен в ряд престижных космических проектов. Наш институт был головной организацией по изучению образцов лунного грунта, доставленных на Землю автоматическими станциями "Луна-16,-20 и-24". Лаборатория Ю.А.Суркова создавала приборы, которые забрасывались на Венеру и изучали химический состав атмосферы и поверхности этой планеты. Все это происходило не само собой, а требовало от директора Института многочисленных телефонных звонков, встреч, переговоров, то есть конкретной организации этого ответственного и хлопотливого дела.

Но это был, если так можно выразиться, брак с планетологией по расчету. Скоро, думаю неожиданно для самого Валерия Леонидовича, он стал браком по любви. Проблемы геохимии и геологии Луны, Венеры, Марса стали ему просто интересны. В суеде директорских обязанностей Валерий Леонидович стал вникать в это новое для него дело. Много читал, задавал

много вопросов сотрудникам лаборатории. Много узнал и передумал, ввязываясь в научное редактирование книг по этой тематике. В конце 70-х годов группа сотрудников нашей лаборатории написала "Очерки сравнительной планетологии" - книгу до сих пор не потерявшую своего научного значения. Барсуков стал научным редактором этой книги и ужасно вьедливо (что нам, конечно, не нравилось) обсуждал главу за главой с нашим первым автором и заведующим Кириллом Павловичем Флоренским. Валерий Леонидович не просто редактировал этот труд. Он был его думающим и заинтересованным читателем и потому добивался от нас ясности изложения и четкой логики подачи материала.

Надо отметить, что период вхождения в планетологию у Барсукова прошел на удивление быстро. Видимо, сыграли роль и его природные способности, и хорошее образование, которое он получил во МГРИ, и уже накопленный им опыт практической геологии. Валерий Леонидович, продолжая, как и все мы, учиться у Природы и своих коллег, стал активно участвовать в решении научных проблем в этой области.

Конечно, у него просто не было времени самому сидеть за микроскопом, изучая структуры лунных пород, или корпеть над таблицами их анализов. Он был активно действующий директор и это съедало большую часть его времени. Не имея возможности делать много своими руками, Валерий Леонидович делал науку планетологию, стимулируя работу своих сотрудников, активизируя и их руки, и их мозги. По его инициативе были подготовлены и изданы сборники статей по результатам изучения лунных образцов. Он направил энергию молодой лаборатории И.Л.Ходаковского на термодинамический анализ взаимодействия атмосферы и пород поверхности Венеры. Он привлек сотрудников лаборатории Л.В.Дмитриева к петрологическому осмыслению результатов определения химического состава пород Венеры, проведенного лабораторией Ю.А.Суркова. По его инициативе тогда совсем юный Саша Соболев изучал расплавные включения в лунном оливине. Валерий Леонидович курировал наши работы по фото-геологическому анализу телевизионных и радиолокационных изображений поверхности Венеры и активно интересовался планетологическими приложениями результатов динамического физико-химического моделирования магматических систем, проводившегося А.А.Ярошевым и М.Я.Френкелем.

Все это Валерий Леонидович делал очень заинтересованно и эмоционально. Мне вспоминается, как мы с ним разошлись во мнениях относительно того, что видно на телевизионных панорамах поверхности Венеры, полученных на аппаратах "Венера-13 и -14". Он видел там что-то похожее на вулканическую бомбу, а я с ним упорно не соглашался. В конце концов мое упорство разозлило его и он сказал, что его геологический опыт в де-

сять раз больше моего и что отныне на все мои публикации по этим панорамам я должен получать его согласие. Пару раз я передавал ему на подпись акты экспертизы со статьями. Валерий Леонидович их подписывал, я понял, что инцидент исчерпан, и давать ему статьи на согласование перестал. Этот эпизод имел неожиданное продолжение. Вскоре после него Валерий Леонидович рекомендовал избрать меня секретарем партбюро ГЕО-ХИ, что по тем временам означало высокую степень доверия.

Иногда Валерию Леонидовичу удавалось выкроить время и сесть за написание обобщающих статей по планетологии. Его увлекал поиск общих закономерностей геологического развития планетных тел. В конце 70-х - начале 80-х годов он обратился к проблеме связи между масштабами базальтового вулканизма на планетных телах земного типа и размерами этих тел. Было известно, что на самой маленькой в этой группе Луне продукты базальтового вулканизма покрывают лишь около 1/6 ее поверхности, а на самой большой в этой группе Земле - они слагают ложе мирового океана и, кроме того, развиты на островных дугах и плато-базальтовых провинциях на материках, то-есть занимают больше половины площади планеты. Если опираться на эти крайние случаи, то вывод очевиден: чем больше планетное тело земного типа, тем больше масштабы базальтового вулканизма на нем. Вывод этот носился в воздухе, но произнести его вслух, а тем более опубликовать, было рискованно, так как масштабы базальтового вулканизма на промежуточном по размерам Марсе не очень ясны даже сейчас, а сведения о геологии Венеры, близкой по размерам к Земле, были в то время очень отрывочны. Валерий Леонидович риска ошибки не испугался и напрашивавшийся вывод сделал. Последующие съемки Венеры космическими аппаратами "Венера-15/16" и "Магеллан" показали, что геология этой планеты вывод Барсукова подтверждает. В отношении Марса ситуация прояснится через несколько лет, когда последний из трех американских аппаратов серии "Марс Сервейор" завершит свою работу. Я думаю, что вывод Барсукова и здесь подтвердится.

В короткой заметке трудно охарактеризовать черты личности любого человека, тем более такого масштабного, многогранного, нередко противоречивого, каким был Валерий Леонидович. Даже эта моя попытка показать лишь одну из многочисленных сторон его деятельности слишком отрывочна и неполна. Я хочу завершить ее словами: Мне повезло, что в моей профессиональной деятельности я соприкасался с Валерием Леонидовичем Барсуковым. Увлекаясь и ошибаясь он искал научные истины и стремился обратить их поиск на благо своей страны.

"КАЖДЫЙ, КТО ЗНАЛ ЕГО, НАЧИНАЛ ОЩУЩАТЬ СЕБЯ В КАКОЙ-ТО СТЕПЕНИ РУССКИМ ЧЕЛОВЕКОМ..."

Впервые я встретился с Валерием Леонидовичем Барсуковым много лет назад в Хьюстоне (штат Техас) на Научной конференции по Луне и планетам. Это было вскоре после того, как он стал директором Института им.Вернадского. К этому времени мне уже довелось неоднократно побывать в Москве, где я встречался с К.П.Флоренским и сотрудниками его лаборатории и знал, что установились многочисленные научные и личные контакты между нашей научной группой в Брауновском университете и советскими коллегами из Института им.Вернадского. Во время первой встречи с Валерием Леонидовичем у нас возникло вполне дружеское общение, а языковой барьер (ломаный английский у Барсукова и никакой русский у меня) помогал преодолевать Александр Базилевский.

На одну из последующих Хьюстонских конференций Валерий Леонидович привез великолепные телепанорамы, полученные космическими аппаратами "Венера-13" и "Венера-14" и сделал впечатляющий доклад о сенсационных результатах этой космической миссии. Днем позже меня, как члена американской делегации в советско-американской Рабочей группе по исследованию космоса, пригласили принять участие в неофициальной встрече Главы проекта исследования Солнечной системы в НАСА с В.Л.Барсуковым. И на этой встрече Валерий Леонидович с присущим ему чувством ситуации эффектно представил телевизионные изображения поверхности Венеры. Естественно, я как ученый, не мог оторвать глаз от этих снимков. Однако, к сожалению, глава НАСА, вежливо поблагодарив Барсукова, забрал картинки, а затем объявил вполне официально, что межгосударственное соглашение о совместном исследовании космического пространства решено пока не продлевать. Это было связано с рядом внешнеполитических событий, омрачивших в это время отношения между США и СССР. Я, конечно, был от такой неожиданности в шоке и растерялся, но сделать ничего не мог. Нечего говорить о том, что на этом встреча с Главой НАСА была исчерпана, а последний улетел в Вашингтон, забрав с собой венерианские панорамы.

Несколькими часами позже, когда я в грустном одиночестве пил кофе в кулуарах конференции, вдруг, как бы из ничего, передо мной возник Валерий Леонидович, распахнул плащ и одарил меня полным набором венерианских пейзажей! Я немедленно и взволнованно стал обсуждать с ним, что же мы можем увидеть на этих картинках с точки зрения геологов. После длительного разговора мой партнер пригласил меня в Москву, в Институт

им.Вернадского для дальнейших бесед и дискуссий. Был я тогда еще молодым и без комплексов и сказал: "А как было бы хорошо, если бы я приехал с молодым сотрудником, студентом!" Барсуков мгновение подумал и ответил: "Что ж, мы найдем способ обеспечить этот визит". В то время я не имел ни малейшего представления, каких трудов стоит оформить визит в Москву в качестве гостя Академии наук СССР молодого малоопытного ученого. Как показало будущее, Валерий Леонидович мастерски умел находить простой выход из ситуаций, схожих с той, о которой было сказано. Эта способность выгодно отличала его от многих других крупных фигур в научном мире. Он всегда находил возможность сделать так, чтобы трудные проблемы решались в интересах здравого смысла, в то время как люди иного склада пытались убеждать, что это абсолютно невозможно. Итак, мой первый визит к Барсукову в Москву был очень успешным и привел к заключению соглашения о сотрудничестве между Брауновским университетом и Институтом им.Вернадского и многочисленным обменам людьми из наших двух стран. В том, что в этом месяце мы готовимся к 27-му Микросимпозиуму в Хьюстоне, есть свидетельство успеха идей Валерия Леонидовича.

Проведение этих конференций было плодом его успехов на ниве международного научного сотрудничества, в частности в области планетных исследований. Его постоянным, неустанным усилиям обязаны мы все, и нужно остановиться и оглянуться в прошлое, с тем, чтобы с новым энтузиазмом продолжать стремление к тем целям, которым он посвятил свою жизнь. Он активно участвовал в организации космических исследований Луны, Венеры и Марса в СССР и оказывал существенное влияние на разработку планов будущих космических миссий как в своей стране, так и в международном масштабе. Как директор института он постоянно направлял свой недюжинный энтузиазм на развитие сравнительной планетологии. Он всегда стремился к пониманию природных процессов, ответственных за формирование и эволюцию планет и развитию научных направлений, раскрывающих их историю. Он был убежден, что одним из наиболее продуктивных путей познания ранних этапов истории Земли следует считать такой, когда Земля рассматривается в сопоставлении с иными планетными телами. В самом деле, однажды он сказал: "единственная возможность для геологов и для всего человечества предсказать, что ожидает нашу планету в будущем, - это изучать другие планеты".

Он играл ведущую роль в многочисленных международных организациях, занимал ряд важных постов, в частности, был вице-президентом Международного Союза геологических наук. Он был активным деятелем в Интеркосмосе, в Комитете по космическим исследованиям (КОСПАР), а также частым гостем ежегодных Хьюстонских конференций по исследова-

нию Луны и планет, где нередко представлял основополагающие доклады о новейших достижениях советской науки в области космических исследований. После возобновления действия Советско-американского соглашения в области исследований в космосе в середине 80-х годов Валерий Леонидович стал сопредседателем совместной рабочей группы по изучению Солнечной системы. На этом посту он продолжал отстаивать принципы международной научной кооперации и находить многочисленные области, в которых наши страны могли осуществлять взаимовыгодное сотрудничество. Помню, как-то раз, когда я начал было пылко развивать проекты совместных советско - американских планетных исследований, он положил руку на мое плечо и спокойно, но твердо сказал: "Джим, давайте вначале научимся вместе ползать, потом ходить, а уж потом вместе бегать". И конечно же, он был прав.

Он неустанно работал с нашей группой в Брауновском университете с тем, чтобы можно было осуществлять совместные встречи и взаимные поездки. Даже в худшие периоды холодной войны его усилия в этой области привели к тому, что целый ряд молодых перспективных ученых из разных стран смогли повысить свою квалификацию в рамках международного сотрудничества. Буквально за несколько дней до кончины Валерий Леонидович нашел время для присутствия на очередном Микросимпозиуме по сравнительной планетологии в Москве и вновь встретиться со своими зарубежными коллегами. И это несмотря на то, что в тот же день ему предстояло участвовать в исторической встрече между руководителями НАСА и их партнерами из Российской академии наук и Российского космического агентства.

Любой из многочисленных постов В.Л.Барсукова мог бы считаться вершиной карьеры для большинства людей, и вряд ли они могли бы найти силы для иной деятельности. Однако те, кто знали Валерия Леонидовича, помнят его глубоко эмоциональные выступления и даже реплики, понимают, что вся его жизнь была наполнена той же страстью и темпераментом, которые так проявились в его научной деятельности. Его отношения с друзьями и близкими отражали в полной мере всю глубину его неординарной личности. Несомненно, его личность отражалась и в его музыкальном даре, чаще всего проявлявшемся в несравненном исполнении русских романсов под аккомпанемент гитары.

Каждый, кто слышал его страстное исполнение русских или цыганских песен, будь то в маленьком тexasском ресторанчике, или в его московской квартире, признавал, что перед ним человек многогранного таланта, душу которого хочется познать как можно глубже. Думаю, что каждый, кто знал его, начинал ощущать себя в какой-то степени русским человеком. Это бы-

ло проявлением одного из чудесных способностей замечательного человека - Валерия Леонидовича Барсукова.

Думаю, что нижеследующие строчки Бориса Пастернака выражают суть Валерия Леонидовича и его мировосприятия Вселенной:

*Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.*

*Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВАЛЕРИИ БАРСУКОВЕ

Валерий Барсуков оставил в моей душе неизгладимую память. Навсегда врезались воспоминания о первом с ним знакомстве в его московской квартире. Это было чудесно, все располагало к непринужденному общению - и замечательная еда (жена Валерия Леонидовича Наташа приготовила сациви) и компания коллег из Москвы и других мест... Столько тостов, столько остроумных анекдотов! Наконец, стали петь песни, кто-то принес мандолину и напевал американские матросские песни. Но конечно над всеми царили Валерий с его гитарой.

Столь теплое, искреннее гостеприимство было особенно впечатляющим, поскольку мой визит в Москву пришелся на самые "морозные" дни холодной войны. У Валерия был прекрасный иммунитет к этим морозам, он имел свой личный компас, сверяясь с которым всегда следовал по пути поддержки сердечных, плодотворных отношений с американскими учеными. В период, когда Аэрофлот прекратил прямые рейсы в США, Валерий Леонидович прилетал со своими коллегами в Канаду или Мексику, и уже оттуда совершал короткий прыжок в Нью-Йорк или Хьюстон, где его американские коллеги могли оказать определенное содействие.

Он разработал свое четкое расписание участия в мартовских конференциях по исследованию Луны и планет в г. Хьюстоне. Большую часть времени он проводил в г. Стоуни Брук (Лонг-Айленд), где я работал на одном из факультетов Университета штата Нью-Йорк. Для нас стало уже привычным, что весна начинается с цветения крокусов, а потом появляется московский гость академик Барсуков со своей жизнерадостной командой. Они любили приходить в маленький ресторанчик "Кабачок трех деревень", где Валерию особенно нравились моллюски-гребешки.

Мы знали, что Барсуков обязательно порадует нашу кафедру наук о Земле и планетах докладами о новейших результатах, полученных при реализации Советской программы космических исследований и о работах геохимиков из Института им. Вернадского. Однажды с помощью Рудольфа Геворкяна, одного из членов советской делегации, мы проделали слайд-путешествие по Армении. Приезды Барсукова и его коллег всегда открывали новые незнакомые нам миры и оставляли неизгладимое впечатление.

Люди, подобные Валерию Барсукову, встречаются очень редко. Они появляются подобно кометам, озаряют нашу жизнь необычным отблеском, долго живут в нашей памяти и наших легендах, являясь для нас светом давно угасших звезд.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Такие яркие люди, как Валерий Леонидович, производят сильное неизгладимое впечатление уже при первых встречах. Впервые я встретился и познакомился с В.Л. осенью 1959 г. на западе Румынии в Бихорских горах, где работал в то время советником-консультантом. В Бихорском рудном районе кроме урановых месторождений - объектов моих забот были известны полиметаллические, медно-висмутовые и медно-молибденовые месторождения. В 1939 г. японский ученый Т. Ватанабе описал борат магния - котоит из рудного поля Бэица в этом районе. Поэтому, когда в 60-е годы возник борный "бум", этот район привлек внимание как потенциальный источник борного сырья. Это и определило визит В.Л. в этот глухой угол Румынии. Парадоксальность сложившейся к тому времени ситуации состояла в том, что места отбора образцов котоитовых руд, описанных Т. Ватанабе, были неизвестны, а попытки их обнаружения - безрезультатны. В.Л. в течение трех дней облазил все рудное поле Бэица, осмотрел все выявленные месторождения и рудопроявления. При этом он установил неизвестную до него людвигитовую минерализацию в мелких скарново-магнетитовых рудопроявлениях района, что подтверждало потенциальную бороносность района, но главный объект ожиданий - котоитовые руды так и не были найдены.

Но во время этой поездки В.Л. разрешил очень острую для румынской стороны "проблему". Дело в том, что при ревизии соляных месторождений на бор румынские геологи установили высокие (до первых %) содержания бора в солях. Прогнозные запасы бора в соляных месторождениях Румынии оценивались как громадные. Это "открытие" вызвало большой ажиотаж у высокопоставленных лиц. В.Л. и сопровождавший его Г.И. Панов показали, что установленные "высокие" содержания бора в солях являются результатом рутинной ошибки нейтронно-активационного анализа солей (не учитывалось влияние хлора). "Проблема" солевого бора была закрыта.

Поскольку в то время я был единственным советским геологом в этом районе, то наши контакты с В.Л. были весьма тесными как в рабочей, так и в нерабочей обстановках. Для меня знакомство с В.Л. было очень ценным еще и потому, что будучи в аспирантуре, я прочитал его статью "К геохимии олова" (Геохимия, N 1, 1957). Из этой статьи я узнал, что рудное вещество может привноситься из вмещающих пород в рудное тело при их изменениях.

Для выпускника Минцветметзолота, воспитанного на ортодоксальных представлениях о магматическом источнике рудного вещества всех гидротермальных месторождений, такой вывод был "громом среди ясного неба". Думаю, что именно эта работа В.Л. послужила тем стартовым толчком.

ком, который в конечном итоге почти через 30 лет привел меня к выявлению ореолов выноса на колчеданных месторождениях и к конвективной модели их формирования. А в то время эта тема явилась предметом жаркой дискуссии между нами, которая, по-видимому, и вызвала у В.Л. определенный интерес к моей персоне и в конечном итоге предопределила мое появление в ГЕОХИ.

Следующая встреча с В.Л. произошла в 1962 г. в тех же Бихорских горах, куда я вернулся по просьбе румынской стороны через два года. Здесь продолжались поиски боратовых руд: стенки ущелий в карбонатных толщах рудного поля Бэица были опробованы сплошной бороздой на расстоянии нескольких километров, но безрезультатно - котоитовая руда "исчезла", даже стали высказываться сомнения в достоверности данных Т.Ватанабе. И в этой тупиковой атмосфере появился В.Л. На следующий день после приезда он повел румынских коллег к отработанному еще в прошлом веке медно-висмутовому месторождению и там указал на окружавшее отработанное пространство - обычные (по мнению его сопровождавших) мраморизованные доломиты - "Это котоитовая руда". Анализы отобранных образцов полностью подтвердили это. Второе - почти через четверть века после первого - открытие котоитовых руд в рудном поле Бэица состоялось! "Пришел, увидел, победил" - первое, что тогда пришло в голову. В последующие дни своего пребывания В.Л. выявил еще несколько выходов котоитовых руд в рудном поле, подсчитал прогнозные запасы бора и дал конкретные рекомендации по разведке. Триумф В.Л. и советской геологической науки был очевиден.

Но во всем этом было одно "но". Румынские коллеги спрашивали меня: "Почему Барсуков не открыл руду в 59 году? Он же был тогда в этом месте и видел ее". Я спросил В.Л. об этом, и он, рассмеявшись, ответил: "Чтобы открыть котоитовые руды, надо было знать их". И рассказал, что в период между этими двумя поездками в Румынию он побывал в Северной Корее на крупном золото-медно-висмутовом месторождении Холкол, где детально изучал котоитовые руды, что позволило ему в этот раз безошибочно диагностировать их и здесь. Позже и я убедился, что при внимательном наблюдении можно было отличить котоитовые руды от вмещающих доломитов по их характерной выветрелой поверхности: она была мелкобугорчатая (эффект сферолитового строения котоитовых агрегатов) и покрыта плотной белой корочкой (продуктами выветривания котоита).

Принцип "Пришел, увидел, победил", на первый взгляд, был одним из руководящих для В.Л. Но это только на первый взгляд. Рассказанная выше история открытия В.Л. боратовых руд в Румынии свидетельствует о другом: за его действиями и решениями всегда стояла большая напряженная работа, и только получив надежные данные и уверенность в успехе он делал (и любил это делать) эффектный ход. И получалось, но... не всегда.

ПРОЧНАЯ ОПОРА

Личность Валерия Леонидовича Барсукова, с кем меня связывали многолетние теплые дружеские отношения, ассоциируется у меня с необычайно мощным и добротным фундаментом, на который всегда можно было опереться. Как и все мы, Валерий тоже бывал разным, но у него была прекрасная черта увлекаться людьми, и если это происходило то он, не скрывая своего расположения, начинал строить свои отношения с ними на основе полного и всестороннего доверия, как бы призывая человека на проявление всего лучшего на что тот был способен. Я считаю большой своей удачей, что наши жизненные пути пересеклись и я встретился с этой прекрасной стороной его личности.

Мы познакомились в далеком 1957 году. Я был начинающим, прибывшим из провинции аспирантом, а он к тому времени уже являлся довольно влиятельной фигурой в ГЕОХИ и возглавлял большую группу по изучению проблем геохимии рудных процессов в лаборатории В.В.Щербины. Как-то вечером он заглянул и попросил у меня печать, чтобы закрыть свою комнату и сделал это с такой скромностью и дружелюбием, которые ясно запомнились мне на долгие годы.

В 1980 году я направил ему из Тбилиси, где тогда работал, письмо с просьбой взять меня на работу в ГЕОХИ. Его положительный ответ не заставил себя ждать. Потом начался полуторалетний период преодоления многочисленных непростых, формальных препятствий, который включал отрезки как относительно успешные, так и очень сложные, несущие затруднения, казавшиеся почти непреодолимыми. Этот период запомнился мне, главным образом, тем, что ни разу, несмотря на обычную загруженность многими обязанностями, он не дал почувствовать, что занят, обременен какими то личными проблемами, или просто устал. Передо мной всегда был партнер фундаментально и спокойно настроенный только на успех, всегда готовый на поиск очередного нужного шага, несмотря на все другие окружающие его обстоятельства.

К сожалению, неся постоянную, огромную психологическую и физическую нагрузку, чувства самосохранения у него явно не доставало. Как-то, когда уже прозвучали первые тревожные звоночки его сердца, я предложил ему ввести в свой режим некоторые оздоровительные элементы. "Крепкая нервная система далеко недостаточная защита от огромной стрессовой нагрузки, которую ты несешь каждый день" - сказал я ему. "Это только на первый взгляд кажется, что она крепкая" - ответил он мне с грустью.

Если кто-либо способен нести качества мощной человеческой опоры - фундамента, это совсем не значит, что к нему надо, или приходится постоянно обращаться. Главное, что образ этого человека существует в нашем сознании и позволяет не отступать и преодолевать массу сложностей на жизненном пути. Поэтому уход Валерия Леонидовича Барсукова - это невосполнимая утрата для многих его коллег, соратников, учеников, друзей.

ОРГАНИЗАТОР СЛУЖБЫ ПРЕДСКАЗАНИЯ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ

Не стану обсуждать, большая или малая часть души Валерия Леонидовича была отдана прогнозу землетрясений. Одно очевидно - В.Л. страстно и без колебаний был убежден в необходимости и возможности прогноза землетрясений. В сравнении с другими, я знал В.Л. недолго (около десяти лет) и за все это время я не переставал удивляться многим и многим чертам его характера. Здесь я хочу рассказать только об одной постоянно поражавшей особенности его ума. Мне, как человеку, постоянно занимающемуся изучением, хотя и геологических объектов, но, мягко говоря, под специфическим углом зрения, нередко бывает трудно объяснить коллегам, не связанным с математическим моделированием, свои подходы и свои результаты. Валерий Леонидович, не будучи математиком, понимал, практически с полуслова, весь этот "птичий" язык.

Мало того, он тут же задавал вопросы, которые касались самых трудных или еще нерешенных вопросов модели. Он мог сделать замечание или поставить задачу, которая легко переводилась с языка интуиции на язык алгоритма.

Первое знакомство с В.Л. состоялось в 1982 году. До этого я в течение года участвовал в совместном исследовании по прогнозу землетрясений с сотрудниками лаборатории теоретических основ прикладной геохимии. Встреча состоялась в связи с моим докладом по результатам этих исследований (я был сотрудником математической лаборатории Экспедиции N 1 ИГЕМ АН СССР). Это знакомство меня поразило. Подход, который я предлагал, в те времена выглядел еще весьма экстравагантно: теория диссипативных структур требовала тогда не только понимания математических моделей, но, в первую очередь, - психологически непривычного взгляда на традиционные научные представления.

В тот раз меня поразило и продолжало потом поражать все годы знакомства, что В.Л. не только легко интуитивно преодолел этот трудный для очень многих психологический барьер, но и тут же стал задавать вопросы типа "не в бровь, а в глаз". Об этой его способности можно было бы говорить очень долго, но я приведу один пример, касающийся событий, происшедших несколько лет спустя после нашего знакомства.

В ходе исследования последовательности землетрясений, происшедших в Средней Азии в 1983-1985 годах, мы обнаружили, что сильнейшие землетрясения в разных частях региона имеют общие предвестники. Проступала закономерность, позволяющая говорить, что между землетрясениями существует генетическая связь. Помимо всего прочего, такое утвер-

ждение, с позиций традиционной сейсмологии, является несусветной ересью. То, что потребовал от меня В.Л., называется проверкой статистических гипотез. Я и сейчас не могу вспомнить хотя бы один пример того, что человек, не связанный непосредственно с математическим моделированием, проверял бы свои выводы так жестко. Но дело даже не в этом. Первый, "оптимистический", расчет вероятности случайного совпадения дал исчезающе малую вероятность ошибки.

И тогда В.Л. стал засыпать меня вопросами, каждый из которых интуитивно, но абсолютно точно требовал увеличить вероятность ошибки. Надо было видеть его лицо, когда после всех самых жестких ограничений достоверности, вероятность случайного совпадения получилась равной 10^{-5} ! Так радоваться успеху, по-моему, могут только дети.

Среди прочих бесчисленных дел В.Л. постоянно находил время для обсуждения и теоретических, и чисто хозяйственных дел, связанных с исследованием и с работой станций в Таджикистане и Армении. Особенно горячая пора была после Спитакского землетрясения. До этого события не только мы, но и специалисты-сейсмологи считали этот регион абсолютно безопасным. Если за сейсмической обстановкой в Таджикистане мы следили ежедневно и почти ежедневно я докладывал об этом В.Л., то данные из Армении мы начали всерьез смотреть только после землетрясения. Работать приходилось по 15-17 часов в день без всяких выходных. Ежедневно утром и поздно вечером В.Л. вызывал меня с докладом. Конечно, как и все другие мы боялись пропустить повторный толчок (очень часто сильные землетрясения бывают парными). Однако, у нас была еще одна постоянная и не менее сложная задача. Прогноз повторного толчка давался кем-то практически ежедневно, а иногда и несколько прогнозов в день. Нам о них тут же сообщали из Ереванского штаба землетрясений. За весь период сейсмической активности мы сняли более сотни тревог, оказавшихся ложными. Каждую из них В.Л. досконально обсуждал и требовал еще и еще проверять. Потом он звонил в Ереван и сообщал, что по нашим данным тревоги не ожидается. Тревогу снимали. Я выдержал этот период психологического напряжения только благодаря энергии и твердости В.Л.

В январе 1989 года (через 2 месяца после основного землетрясения) у нас вдруг обнаружился значительный прогнозный пик. Опасность, которая исходила от этого сигнала, была связана с двумя обстоятельствами: во-первых, после сильного землетрясения на очень большом расстоянии от Спитака дома были сильно повреждены и даже не очень большой толчок мог их разрушить окончательно. Во-вторых, место, где по нашим расчетам ожидался этот толчок, далеко выходил за пределы эпицентральной зоны и приближался к Еревану. Это было очень опасно. И снова В.Л. решительно взял на себя ответственность и дал прогноз опасности. Несколько дней

прошли в мучительных ожиданиях. Из поселка Апаран (там ожидался сейсмический толчок) эвакуировали всех жителей. В тот день, когда ожидалось землетрясение, мы до позднего вечера снова и снова обсуждали все материалы с В.Л. Утром, по дороге на работу в метро я увидел через плечо статью в "Правде": "Удар был предсказан". Когда я пришел в институт, В.Л. тут же вызвал меня и показал эту газету.

В статье, с моих слов, журналист писал, что прогноз землетрясений - дело еще неблизкого будущего. В.Л. с необыкновенным жаром стал мне объяснять, что, хотя толчок был не так уж силен, несколько поврежденных домов рухнуло, и мы таки спасли кого-то от гибели. И еще он говорил о том, что принципиальный прорыв уже сделан, и он уже видит перспективу реального точного прогноза.

Правда, тут же он сказал, что еще недостаточна точность прогноза силы, и снова, в который раз поразил меня тем, что по интуиции точно назвал слабое место в расчетном уравнении. Я был поражен тем, что речь по существу шла о быстром, но не очень точном расчете второй производной.

Валерий Леонидович был и остается для меня совершенно необыкновенным человеком, сочетающим в себе огромную энергию, потрясающую ясность ума и удивительную способность увлечения научным поиском.